

Иван Иванович Панаев

Она будет счастлива

Иван Иванович Панаев (1812–1862) вписал яркую страницу в историю русской литературы прошлого века. Прозаик, поэт, очеркист, фельетонист, литературный и театральный критик, мемуарист, редактор, он неотделим от общественно-литературной борьбы, от бурной критической полемики 40 — 60-х годов.

В настоящую книгу вошли произведения, дающие представление о различных периодах и гранях творчества талантливого нраво- и бытописателя и сатирика, произведения, вобравшие лучшие черты Панаева-писателя: демократизм, последовательную приверженность передовым идеям, меткую направленность сатиры, наблюдательность, легкость и увлекательность изложения и живость языка. Этим творчество Панаева снискало уважение Белинского, Чернышевского, Некрасова, этим оно интересно и современному читателю.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0018
III.....	.0043
IV.....	.0084
V.....	.0103

И. И. Панаевъ

Она будетъ счастлива

**(Эпизодъ изъ воспоминаній
петербургской жизни.)**

*... 'tis in ourselves, that we are thus or
thus...*

Shakspeare.

*Есть двѣ вещи безвкуснѣе и холоднѣе
льда: юноша мудрствующій и старикъ
молодящійся.
Персидская пословица.*

У одного изъ самыхъ модныхъ рестораторовъ Петербурга, а это было, кажется, въ февраль 183*, пиновала въ особенной комнатѣ толпа молодежи. За столомъ, тянувшимся во всю длину небольшой, ярко освѣщенной комнаты, сидѣло двѣнадцать человекъ. Столъ былъ уставленъ опорожненными и полуопорожненными бутылками, красовался стаканами, раскрашенными виномъ, которое мѣшались съ причудливыми рюмками рейнвейна. Видно было, что обѣдъ перешелъ за половину, потому что лица застольниковъ одушевлялись румянцемъ, глаза ихъ сверкали огнемъ и движенія становились вольнѣй и вольнѣй. Уже послѣдовательность рѣчи смѣнялась вспышкой фразъ, рассказъ прерывался восклицаніями. Но во всемъ этомъ еще былъ какой-то порядокъ, еще выдавалась ми-

нуты тишины, можетъ быть, предвѣстники бури.

Между этой разгульной гурьбой, между этими нерасчетливыми, дерзкими новичками жизни, безразсудно посмѣивавшимися надъ жизнью, былъ замѣшанъ одинъ человѣкъ: ему смѣло можно было дать сорокъ лѣтъ; его черные волосы слишкомъ посеребрились годами; его лицо слишкомъ было изрѣзано штрихами минувшихъ страстей; его глаза, мутные, маленькіе, странно свѣтились изъ-подъ нависшихъ бровей: въ его улыбкѣ, которая придавала ироническій очеркъ лицу его, было горькое разочарованіе, равнодушная безнадежность и еще какое-то ядовитое чувство. Въ петлицѣ темнаго фрака его, сшитаго со всею тонкостью модной взыскательности, пестрѣлъ разноцвѣтный, небрежный узелокъ орденскихъ лентъ.

— Шампанскаго! — вскричалъ онъ стоявшему сзади лакею, опрокинувшись на задокъ стула. И его возгласъ повторился двѣнадцать разъ эхомъ.

Бутылку поставили передъ нимъ, онъ отвернулъ рукава и, съ искусствомъ опытнаго

знатока, сталъ обрѣзывать ножомъ проволоку.

— Я никому никогда не даю откупоривать шампанскаго, — говорилъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку, сидѣвшему противъ него. — Теперъ для меня осталось только одно это наслажденіе!

— О, гг., — прибавилъ онъ черезъ минуту со вздохомъ, обращаясь ко всѣмъ, — я долженъ бы смотрѣть на васъ съ завистью, но вмѣсто того, признаться ли, я сожалью объ васъ. Скажите, какъ проводите вы свое время въ ваши лѣта, съ вашими средствами! Вы являетесь въ залахъ съ нахмуренными бровями, съ важнымъ видомъ занятыхъ людей, съ мудрыми фразами на устахъ. Вы отыскиваете истину въ книгахъ и забываете великое изреченіе, что истина въ винѣ. *In vino veritas!*

— Она здѣсь, гг., — продолжалъ онъ, напѣнивая бокалы; напрасно вы будете искать ее въ книгахъ. Она смѣется надъ вашими усиліями. Она играетъ и звѣздится въ этой влагѣ, ловите ее здѣсь.

— Bravo, bravo! *In vino veritas!* — раздалось хоромъ, и бокалы мигомъ были осушены.

Одинъ бокаль оставался только непочатый. Этотъ бокаль стояль противъ молодого человѣка, который, облокотясь одною рукою на столъ, казалось, былъ въ какомъ-то раздумьѣ. Его длинныя темныя волосы, красиво завитые природой, закрывали половину широкаго лба; его черныя большіе глаза выражали раннее утомленіе; его осунувшееся лицо было безцвѣтно, но въ очеркѣ этого лица, но въ этой тонкости глазъ было такъ много привлекательнаго; еще онъ едва достигъ двадцати трехъ лѣтъ, а казался пятью или шестью годами старѣе. Въ модномъ покровѣ его одежды было что-то собственно принадлежавшее ему: эта умышленная небрежность, эта невыразимая ловкость, которая скрашиваетъ моду и тотчасъ характеризуетъ человѣка, принадлежащаго къ избранному обществу.

— Ты и не начиналъ своего бокала, Горинъ? это худой знакъ! — говорилъ, обращаясь къ нему, сосѣдь его. — Ты, видно, влюбленъ или безъ денегъ. И то, и другое дурно; но теперь не время думать ни о томъ, ни о другомъ. Въ весельѣ должно быть единодушіе, вѣдь ты знаешь:

*...одной слезы довольно,
Чтобъ отравить бокаль!*

— Разумѣется! Мы собрались сюда не для того, чтобы мечтать! — Кто заговорилъ о слезахъ? — Къ чорту сантиментальность! — Горинъ, допивай свой бокаль! — кричали каждый отдѣльно и всѣ вмѣстѣ. И въ этомъ хаосѣ словъ громче всего раздавалось пѣнье одного изъ застольниковъ:

*Будемъ пить и любить,
Припѣваючи жить,
Жизнь на мигъ намъ дана,
Подавайте вина!
Безъ вина — Божій міръ
Не утѣха для глазъ;
Онъ постылъ и унылъ.
Расшатайся жъ, нашъ пиръ,
Чтобы каждый изъ насъ,
До утраты всѣхъ силъ,
Припѣваючи жилъ!*

Онъ выпилъ свой бокаль, и вино снова замахровило верхушки осушенныхъ бокаловъ.

Когда громъ пѣсенъ и восклицаній смолкъ, пожилой человекъ, улыбаясь, обратился къ Горину.

— Знаете ли, — началъ онъ, глядя на него пристально и поддерживая рукою свой подбородокъ, — знаете ли, что въ васъ я вижу представителя нынѣшней молодежи: вы человѣкъ, въ высшей степени заключающій въ себѣ всѣ ея достоинства и всѣ недостатки. Я всегда люблюсь вами и часто негодую на васъ: съ такимъ внутреннимъ образованіемъ, съ такими наружными средствами, съ такою свѣтскою ловкостью вы часто хандрите, вы всегда бездѣйствуете въ обществѣ. Это непростительно! И между тѣмъ, повторяю, это общій порокъ нынѣшней молодежи. Эхъ, г., не забудьте: вы призваны кружиться въ гостиныхъ, побѣждать, покорять, торжествовать побѣды, а вы лишаете общество души, тогда какъ должны быть душою его; вы безжалостно оставляете дамъ въ жертву тоски и одиночества: онѣ жаждутъ взглядовъ страсти, словъ любви, и что же находятъ вмѣсто всего этого? Недѣли двѣ тому назадъ я нечаянно слышалъ, какъ одинъ молодой человѣкъ, и, замѣтьте, чрезвычайно образованный и умный человѣкъ, въ продолженіе трехчасовой мазуг рки очень серьезно разгла-

гольствоваль съ своей дамой о погоду, о скользкости паркета, объ удобствѣ освѣщенія улицъ газомъ...

Хохоть прервалъ рассказчика.

— Кто этотъ любезникъ? — вскрикнуло вдругъ нѣсколько голосовъ. — Кто была эта дама? — Гдѣ это было? — И между тѣмъ *отычки шампанскаго* вторили крикамъ.

— Поневолю станешь хвалить свое время, — началъ снова ораторъ, уловивъ минуту тишины. — Я имѣю не слѣпое пристрастіе къ прошедшему, не это безотчетное и смѣшное стариковское: "а вотъ какъ при насъ-то бывало!" Нѣтъ, мы въ самомъ дѣлѣ жили не по-вашему въ ваши лѣта; мы бѣгали за удовольствіями, мы ловили ихъ на лету, мы отыскивали ихъ на днѣ морскомъ; и ужъ зато намъ некогда было считать времени. Правда, мы иногда ставили послѣдній занятой грошъ ребромъ, но въ насъ кипѣла молодость. Мы извѣдали ее со всѣми безумствами, со всѣми бурями, со всею нѣгою.

— Ваша правда, Свѣтлицкій, — перебилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, разваливаясь на стулъ и заложивъ палецъ руки за жилетъ. —

Да! поколѣніе нашей молодежи жалкое; но развѣ мы виноваты въ томъ, что судьбѣ угодно было выбросить насъ не прежде и не послѣ, а именно теперь? Мы составляемъ собою переходъ отъ невѣжества къ истинному просвѣщенію, отъ животности къ высокому познанію самихъ себя, отъ тьмы къ свѣту. Вы жили въ періодъ младенчества, мы живемъ въ періодъ дѣтства: вотъ разница между вами и нами! Въ насъ уже проявилось сознаніе, въ насъ уже есть порывы къ ученію, жажда къ познанію — конечно, это уже шагъ впередъ; но мы, дѣти, воображаемъ о себѣ гораздо болѣе и желаніе смѣшиваемъ съ исполненіемъ. Вотъ откуда должно вывести тысячи неизбежно смѣшныхъ сторонъ нашихъ. Мы между бездѣльемъ и дѣломъ, въ вѣчномъ колебаніи между тѣмъ и другимъ. Я стою за крайности, гг.; разумѣется, крайности лучше; но отъ насъ ли зависитъ выборъ?

— Я не доискиваюсь причинъ вашей нелюбезности, гг., — продолжалъ Свѣтлицкій, — но говорю только, что есть, что вижу, что мнѣ кажется; говорю потому, что принимаю во всѣхъ васъ участіе. Вы черезъ себя теряете все

въ обществѣ, вы выпускаете изъ рукъ собственное счастье. Я знаю одну прелестную женщину, одну изъ тѣхъ женщинъ, при появленіи которыхъ слышится въ гостиныхъ говоръ восторга и шипѣніе зависти, женщину съ ангельскою душою и съ огненнымъ сердцемъ, которая очень равнодушна къ одному изъ сидящихъ здѣсь съ нами за столомъ.

Свѣтлицкій обзрѣлъ всѣхъ и улыбнулся.

Любопытство выразилось на всѣхъ лицахъ. Лица юношей обратились къ пожилому человѣку съ вопросительными взглядами. Каждый принималъ слова его на свой счетъ, каждый былъ въ ту минуту и гордѣе, и самодовольнѣе. Фантазіи cadaго стали прихотливѣе разыгрываться, воспаляемыя виномъ. Вино заставляло вѣрять и довѣрять, вино сорвало цѣпи съ воображенія и пустило его рыскать по волѣ.

— Кто этотъ счастливецъ? — Скажите, кто изъ насъ? пусть ея имя будетъ тайной! — Завладую сто противъ одного, что это или я или графъ Вѣрскій! — За здоровье счастливѣйшаго изъ насъ! — За здоровье прекрасной незнакомки!

Наконецъ крики слились въ одинъ нестройный гулъ...

— О! въ эту минуту я отдамъ жизнь! — воскликнулъ Горинъ, — цѣлую жизнь съ безконечною цѣпью наслажденій за одинъ поцѣлуй любви, за одно пожатіе страсти! Скажите мнѣ, что есть женщина, которая любитъ меня, и я окачу васъ шампанскимъ!

Этотъ возгласъ потерялся въ шумъ раздвигавшихся стульевъ.

Нѣкоторые встали изъ-за стола и разлеглись на диваны, которые тянулись вдоль стѣнъ. Табачный дымъ, разстилаясь по комнатѣ, задергивалъ туманомъ эту картину.

Тогда пожилой человѣкъ незамѣтно подкрался къ Горину и съ видомъ участія схватилъ его руку. Вино не произвело на него замѣтнаго дѣйствія, онъ былъ свѣжѣе всѣхъ...

— Хотите ли знать имя счастливца? — сказалъ онъ молодому человѣку, наклонясь къ его уху; — но молчаніе, ради Бога — мертвое молчаніе! Я вамъ ввѣряю тайну женщины.

Онъ съ демонскою проникательностью посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Можете ли вы сомнѣваться?..

— Это вы, вы счастливѣйшій изъ людей! Знаете ли, что въ васъ безъ памяти влюблена Зинаида П*.

Какое-то неизъяснимо-сладкое ощущение пробѣжало по тѣлу молодого человѣка. Онъ не думалъ допрашивать Свѣтлицкаго, какъ и почему извѣстна ему тайна этой женщины. Онъ вѣриль ему въ ту минуту вполнѣ; онъ крѣпко сжалъ его руку. Восторгъ задушаль его. Онъ недавно узналъ эту женщину, но уже отличаль ее между другими; въ послѣднее время даже замѣтилъ въ ней что-то необыкновенное въ отношеніи къ себѣ; и вдругъ въ одинъ мигъ передъ нимъ все разгадано, все открыто; и въ какой мигъ? когда воображеніе разливалось по немъ струями огня, когда сердце его било тревогу, когда передъ очами его рисовался идеаль пламенной женщины.. Онъ хотѣль что-то сказать неожиданному вѣстнику своего счастья, но слова не сходили съ языка его, и мысли кружились. Онъ снова только сжалъ его руку.

— Шампанскаго! — закричалъ тотъ.

— Скорѣй шампанскаго! — повторилъ Горинь, и глаза его засвѣтились полнымъ,

невынужденнымъ весельемъ.

— Ай да молодець! — кричали ему со всѣхъ сторонъ. — Давно бы такъ! Славно! Мы всегда видѣли въ тебѣ зачатки прекраснаго! Ты понимаешь стихіи разгула!

Снова начались выстрѣлы откупориваемыхъ бутылокъ, въ громъ несвязныхъ словъ, безтолковаго крика, буйныхъ оргическихъ пѣсенъ... Голоса смѣшивались, крикъ заглушался крикомъ; но въ этомъ хаосѣ голосовъ громче и звучнѣй всѣхъ раздавался голосъ Горина:

— Она будетъ моею! она моя!

Наконецъ все смолкло, и звонъ бутылокъ, и крикъ, и неистовыя пѣсни. Табачный туманъ еще ходилъ по комнатѣ, и въ этомъ туманѣ тускло, печально блистали нагорѣлыя свѣчи. Въ ихъ мерцающемъ блескѣ виднѣлись безобразные остатки вакханаліи, жалкія развалины страстей человѣческихъ. Пожилой человѣкъ осторожно пробрался между столомъ и ногами, которыя торчали съ дивановъ. Онъ взглянулъ на столъ, загроможденный пустыми бутылками и грудями битого стекла, потомъ на помертвѣлыя лица моло-

дыхъ людей, лежавшихъ на диванахъ... и губы его искривились улыбкою...

Она моя, — бормоталъ полусонный Горинь, — моя!..

Это бормотанье дошло до слуха Свѣтлицкаго. Онъ протеръ глмза и, пошатываясь, вышелъ изъ комнаты.

Въ эту минуту стѣнные часы пробили десять...

*Et l'ange que le ciel commit à voire garde
N'a jamais à rougir, quand, rêveur, il
regarde
Ce qui se passe en vous.
V. Hugo.*

Она въ самомъ дѣлѣ очаровательна!.. Вы заглядѣлись бы на ея темные, роскошные волосы, иногда упадающіе прихотливými локонами на мраморъ груди, иногда лежащіе на лбу гладкими, шелковистыми тесьмами; на ея брови, будто проведенныя тонкою, изящною кистью художника; на ея губы тонкія, розовыя, въ которыя бы такъ роскошно впился поцѣлуй; на ея черные глаза... Но эти глааа, кажется, преслѣдовали бы васъ, какъ ваша собственная тѣнь, какъ судьба ваша, если бы вы хоть одинъ разъ взглянули въ нихъ. Они выражали ту неизъяснимую прелесть дѣтскаго простодушія, которую всегда такъ отрадно, но такъ рѣдко встрѣчаешь въ женщинѣ, и между тѣмъ томились огнемъ страсти, завѣряли въ существованіи земного блаженства...

Она въ самомъ дѣлѣ была очаровательна. хотя блѣдность, можетъ быть, слишкомъ рѣзко покрывала лицо ея, хотя въ ея пріемахъ не было этой аристократической, величавой недоступности, которая такъ нравится многимъ. Правда, она и не принадлежала къ аристократическимъ гостинымъ Петербурга; для ея личика, нѣжнаго, идеальнаго, былъ бы тяжелъ сіятельный вѣнецъ. Ея красота не нуждалась въ мишурномъ блескѣ, который слѣпиль толпу; она не бросалась въ глаза, но говорила душѣ...

Она была очаровательна и въ простомъ утреннемъ пеньюарѣ, когда ея длинную шелковую косу едва придерживала небольшая гребенка, когда ея дивный, роскошный станъ и лебединая грудь скрывались подъ длинною шалью, когда ея маленькая ножка не сжималась башмакомъ, а покойно лежала въ бархатныхъ туфляхъ...

Она была еще очаровательнѣй въ залѣ, когда летала подъ ладъ музыки, едва касаясь паркета, и бѣлый эшарпъ, будто сотканный изъ воздуха, обвиваясь около ея шеи, развѣвался тѣнью облака вокругъ нея.

Многіе называли ее кокеткой, но эти люди не понимали различія между заученнымъ кокетствомъ и простодушною игривостью характера. Она не умѣла быть притворною; она никогда не была подъ маской, она не скрывала ни грусти, ни веселья, изъ приличія, изъ познаній свѣтскости. Она покорядась вполнѣ состоянію души: или веселилась съ дѣтскимъ самозабвеніемъ, или открыто скучала... Вотъ почему нѣкоторыя женщины изъ общества, къ которому принадлежала она, собираясь иногда въ длинные зимніе вечера за круглымъ столомъ и, отъ нечего дѣлать, критически перебирая своихъ знакомыхъ, завистливо повторяли объ ней: "она такая простенькая!" Вотъ почему дамы высшаго круга, или, какъ говорятъ теперь, *"высшаго полета"*, которыя тогда видали ее въ гостиныхъ, спускаясь изъ милости съ своей недоступной высоты одною ступенью пониже, тономъ отличающаго ихъ равнодушія, смѣшаннаго съ жалостью, говорили: "она была бы не дурна, но въ ея манерахъ такая мѣщанская откровенность!"

Она принадлежала къ одному изъ самыхъ скучныхъ и напыщенныхъ обществъ въ Пе-

тербургъ, къ одному изъ тѣхъ обществъ, въ которыхъ, какъ я сказалъ уже, появляются иногда дамы высшаго круга, изъ милости, на минуту, сопровождаемая толпою своихъ поклонниковъ — для того, чтобы открыто показать, что онѣ хотѣли сдѣлать честь своимъ посѣщеніемъ, чтобы блеснуть и исчезнуть, чтобы потомъ отъ души посмѣяться надъ тономъ этого общества, надъ добродушіемъ хозяйки дома и надъ несносными вѣжливостями, которыя она расточала имъ. И согласитесь, что все это очень смѣшно! Женщина, которая готова сдѣлать всевозможныя пожертвованія для того, чтобы видѣть на своемъ вечерѣ даму высшаго тона; которая непременно хочетъ, не разбирая средствъ, сама попасть въ аристократическія гостиныя, тянуться во всемъ наравнѣ съ аристократками, вымѣривать ихъ движенія, подмѣчать ихъ взгляды, подслушивать ихъ разговоры и потомъ передразнивать ихъ при случаѣ; женщина, которая съ выраженіемъ необыкновеннаго тщеславія и невыразимаго самодовольствія говоритъ своей пріятельницѣ: "у меня была княгиня С**", ко

мнѣ назвалась графиня Ф*, на моемъ завтрашнемъ вечерѣ будетъ баронесеа Л*" — не правда ли, такая женщина неогнненное лицо для комедіи современныхъ нравовъ? Не правда ли, что такое лицо будетъ занимательно и необыкновенно ново на сценѣ?.. А отыскать такихъ лицъ въ Петербургѣ вамъ не будетъ стоить многого труда, если вы попадете въ общество, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь....

И послѣ всего этого не мудрено, что молодая И* не могла быть любима женщинами ея круга. Ей вмѣняли въ непростительный порокъ простодушіе и самобытность: то, что она, нехотя, рельефомъ выдавалась изъ этого общества, тогда какъ другія, при всемъ стараніи выказаться, едва скользили по его поверхности. Между толпою разряженныхъ куколъ, между расцвѣченными автоматами, она одна сверкала жизнью, заворожала сердечностью, разливала окрестъ себя одушевленіе.

И все это несомнѣнно было слѣдствіемъ воспитанія. Воспитаніе развило въ ней чувства, образовало сердце, вложило въ нее душу... А внутреннее образованіе надѣлило ее наружною прелестью. Вотъ отчего каждое

слово этой женщины шло отъ сердца и къ сердцу, каждая рѣчь заставляла задумываться, каждый взглядъ говорилъ душѣ, каждое движеніе дивило непринужденностью. Здѣсь заключалась тайна ея очарованія. Въ восемнадцатъ лѣтъ, по приказанію отца, она должна была выйти замужъ за гвардейскаго полковника И*, потому что полковникъ имѣлъ въ виду большія связи. Вы вѣрно знаете, что значитъ имѣть *большія связи*; и кто же не знаетъ этого? Дѣвушка, которая выходитъ замужъ за *человѣка съ связями* — *дѣлаетъ хорошую партію*: такъ говорятъ въ свѣтѣ. Но полковникъ имѣлъ такія связи только въ виду, а на этомъ бракѣ отецъ основывалъ свое будущее и упивался восторгомъ при мысли, какъ ярко будетъ рисоваться звѣзда на его черномъ фракѣ, съ какою жадностью будетъ искать его дружбы какой-нибудь директоръ департамонта, а иногда, при случаѣ, благосклонно пожимать ему руку даже генераль-адъютантъ.

Дочь исчезала для него въ блескъ звѣзды и въ сіяніи генераль-адъютантскихъ эполетъ.

Зять его принадлежалъ къ тому разряду офицеровъ, которые щегольски носятъ мун-

дирь, опрыскиваются съ ногъ до головы духами, носятъ на вечерахъ лайковыя перчатки, ловко танцуютъ, ъздятъ на рысакахъ, безжалостно расточаютъ слова и не могутъ связать въ головѣ ни одной мысли. Замѣчательно, что эти люди, большею частью, слывутъ въ обществѣ любезными, потому что много говорятъ, и славными товарищами потому что много пьютъ. Ко всему этому, полковникъ, какъ говорятъ, былъ человекъ хорошаго тона, по своей важной осанкѣ и по едва замѣтному киванью головы, когда ему кланялся человекъ, не принадлежавшій къ обществу, въ которомъ заблагоразсудила поставить его природа. Не знаю, гдѣ и какъ, года за два до того времени, съ котораго начинается мой рассказъ, полковникъ встрѣтилъ Зинаиду К*. Влюбиться было для него дѣломъ одного мгновенія. Черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ съ самодовольной гримасой погладилъ усы, поправилъ хохоль передъ зеркаломъ, надушился болѣе обыкновеннаго и съ дерзкою самоувѣренностью отправился въ домъ К* съ рѣшительнымъ предложеніемъ. Тамъ онъ встрѣтилъ отца, который едва не

принялъ его съ распростертыми объятіями; но, несмотря на это, желаніе полковника исполнилось не такъ легко и не такъ скоро, какъ онъ думалъ. Зинаида имѣла мать, которая любила ее со всѣмъ самоотверженіемъ, со всею нѣжностью и пылкостью!

Напрасно здѣсь я старался бы передать борьбу отого високаго, святаго чувства съ бездушностью, съ ядовитымъ эгоизмомъ. Что за польза поднимать закулисныя тайны семействъ, для того, чтобы безвременно отнимать у людей, еще не замѣченныхъ рокомъ, еще счастливыхъ невѣдѣніемъ, ихъ теплыя вѣрованія, ихъ свѣтлыя надежды? Для чего говорить имъ, что иногда тамъ, гдѣ они видятъ образцы домашняго счастья, кажется, ничѣмъ ненарушаемаго, всегда такъ отраднаго сердцу — тамъ подъ пріятною улыбкою скрываются кровавыя слезы и въ мертвой тишинѣ ночей разыгрываются драмы, отъ которыхъ при одномъ разсказѣ леденѣетъ кровь и которымъ, право, порой, позавидовала бы современная французская литература.

Какъ бы то ни было. Зинаида К* сдѣлалась женой полковника. Она повиновалась волѣ

отца безъ всякаго сопротивленія: она была въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ живутъ только настоящею минутою и увлекаются обольстительной радугой свѣтскихъ игрушекъ. Къ полковнику она не имѣла отвращенія, и этого было довольно. Сердце ея еще не умѣло биться, она еще не восчувствовала самой себя; она была цвѣткомъ, только еще пророчившимъ роскошное развитіе. И все прекрасное, посянное въ ней воспитаніемъ, и все высокое, дарованное ей свыше, должно было развиться тогда, когда уже заботливость людей опутала ее неразрываемами цѣпями. Углубясь впервые въ самое себя, она ужаснулась: свобода ея далеко отлетѣла въ свою родину — небо... и она даже не видала отлета ея!..

По желанію мужа Зинаида должна была явиться въ общество. Этотъ скелеть, обвѣшанный мишурою и побрякушками, прннялъ ее въ свои ледяныя объятія. Здѣсь готовился ей второй ударъ: розовые листки ея воображенія сжимались отъ холода, блекли и постепенно облетали. На двадцатомъ году она успѣла испытать многое. Но прелесть жизни еще не такъ скоро оставляетъ насъ:

ея черную сторону мы начинаемъ видѣть
вполнѣ гораздо позже. Сначала грустныя,
тяжкія минуты идутъ рука объ руку съ мину-
тами отраднанаго забвенія, чистой радости. Въ
двадцатыхъ годахъ еще для насъ большая
часть сторонъ жизни неразгаданныхъ, тем-
ныхъ, а потому привлекательныхъ; еще мно-
го развлеченій, еще много надеждъ. Опытъ
не вдругъ, а постепенно, съ истинно
злодѣйскимъ наслажденіемъ вырываетъ эти
надежды одна за другою.

Женщина въ эти лѣта, несмотря на
испытанія, несмотря на душевную боль, еще
легка и воздушна какъ Пери, еще радужна какъ
бабочка. Она часто порхаетъ въ залахъ съ
беззаботною радостью, забывая о тяготѣ сво-
его положенія. Такова была двадцатилѣтняя
Зинаида. Люди, толпами окружая ее и любя-
ясь ею, думали: "о, какъ она счастлива!" Они
не знали, эти люди, что сторожило ее за
дверьми бала. Толпа привыкла смотрѣть на
одну только наружность... такова всегда и
вездѣ толпа!

Къ числу этой толпы принадлежалъ и мо-
лодой Горинь, хотя онъ имѣлъ все право вый-

ти изъ толпы и по своему уму, и по своему образованію, и по своей наружности. Правда, онъ и выходилъ изъ толпы, какъ *человѣкъ свѣтскій*, но упорно вертѣлся въ кругу ея, какъ *человѣкъ*... Несмотря на это, тотъ, кто слѣдилъ людей и общество наблюдательными глазами, вѣрно подмѣтилъ бы въ Горинѣ что-то такое, много говорившее въ его пользу. Въ его рѣчахъ, покрытыхъ блестящимъ лакомъ свѣтскости, порой проявлялась природная энергія, блески души. Въ его глазахъ изрѣдка блестяла поэтическая молнія, страстное одушевленіе. Да! онъ понималъ прекрасное, въ немъ тлѣлась искра божественности, того, что отличаетъ человѣка отъ тысячи людей; но эту искру надобно было отрыть въ пеплѣ ничтожности. вмѣсто того, чтобы съ высокими самоотверженіемъ посвятить жизнь свою человѣчеству, онъ безжалостно истрачивалъ ее въ гостинныхъ. Онъ чувствовалъ пустоту своего положенія, хотѣлъ управлять самъ собою и между тѣмъ преклонялся предъ волею другихъ. Сегодня рѣшался онъ выѣхать изъ Петербурга, удалиться отъ развлеченій, уединиться въ самого себя, продолжать

образованіе, начатое съ успѣхомъ; а завтра уже забывалъ объ этой мысли, примѣрялъ новый фракъ, вертѣлся передъ зеркаломъ, перемѣнялъ прическу, безопасно насвистывалъ аріи изъ "Донъ-Жуана".

Рожденный *быть чѣмъ-нибудь*, онъ добровольно дѣлался *ничѣмъ*, незамѣчаемо запутывался въ общественныхъ мелочахъ и даже иногда доходилъ до того, что гордился своимъ фраккомъ, выписаннымъ изъ Парижа, и своимъ короткимъ знакомствомъ съ молодежью высшаго петербургскаго круга.

День уходилъ за днемъ, здоровье и состояніе Горина разстраивались. Театры, балы, раздольные обѣды, оргическіе ужины — это была цѣпь его жизни. Въ двадцать три года онъ уже скучалъ, сквозь дремоту мечталъ о любви въ обществѣ, потомъ смѣялся надъ самимъ собою и говорилъ, что въ наше время любовь можетъ существовать въ однихъ только романахъ. Но это не была обдуманная мысль, а такъ — фраза, слова, произнесенныя отъ нечего дѣлать, за трубкой табаку, въ эластическихъ креслахъ... Порой палящая мысль о трудѣ и наукѣ еще пробѣгала по немъ, и онъ

вздрагиваль: но эта мысль была мимолетнѣе зарницы въ черную августовскую ночь.

Было уже около полугода, какъ онъ сошелся съ полковникомъ и сталъ посѣщать его домъ. Въ Зинаидѣ нравились ему, какъ онъ признавался самъ: *миловидное личико и манеры хорошаго тона*. Но онъ готовъ былъ раздѣлять мнѣніе княгини М* и замѣчаніе графини Б*, что Зинаида слишкомъ *натуральна*, слишкомъ *наивна* и что эта наивность часто переходитъ въ простоту. Вотъ до чего Горинъ увлекался свѣтскостью! Онъ готовъ былъ соглашаться съ самымъ нелѣпымъ мнѣніемъ, лишь бы оно было произнесено словами аристократки.

Можетъ быть, все это покажется очень страннымъ нѣкоторымъ изъ моихъ читателей; но тотъ, кто живаль въ Петербургѣ, видаль и наблюдалъ общество, тотъ не станоть сомнѣваться въ существованіи Гориныхъ.

Такія лица, къ сожалѣнію, не рѣдко встрѣчаются въ петербургскихъ гостиныхъ... И кто знаетъ, сколько блестящихъ надеждъ погубили эти гостиныя?..

Зннанда въ первое время знакомства съ

Горинымъ причисляла его къ разряду этихъ существъ, которыя отличаютчїя только важною дипломатическою осанкою въ двадцать лѣтъ, желтыми лайковыми перчатками. богатыми тросточками въ рукахъ, круглыми бакенбардами и вычурными рѣчами; которыя стыдятся знакомствъ съ людьми не ихъ тона, хоть будь эти люди надѣлены всеобъемлющимъ умомъ Гёте; которыя, самодовольно прогуливаясь подъ руку съ какимъ-нибудь княземъ, краснѣютъ до ушей, если имъ попадется навстрѣчу и поклонится челоуѣкъ, не посѣщающій высшихъ обществъ...

Зинаида подмѣтила этихъ безхарактерныхъ, жалкихъ куколъ общества и, какъ женщина, проникнутая высокими, благородными чувствованїями, презирала ихъ. Она съ холодною вѣжливостью обращалась съ Горинымъ и избѣгала случаевъ сближаться съ нимъ. Зато полковникъ былъ отъ него безъ ума, возымѣлъ къ нему безпредѣльную довѣренность, ставилъ его въ образецъ всѣмъ молодымъ людямъ и разиня ротъ выслушивалъ каждое его слово. Скоро Горинъ сдѣлался необходимою вещью для полковни-

ка, какъ щегольскіе матовые эполеты для его мундира, какъ зыбкій, роскошный, бѣлый султанъ для его трехугольной шляпы.

Однажды, въ началѣ длиннаго декабрьскаго вечера, полковникъ привелъ Горина въ будуаръ жены своей. Она сидѣла на низенькомъ эластическомъ диванѣ, работы Гамбса, облокотясь одною рукою о столъ; между ея нѣжными бѣлыми пальчиками струились и ниспадали длинныя, томные локоны. На столѣ передъ диваномъ стоялъ небольшой броизовый подсвѣчникъ, и въ безпорядкѣ лежали гравюры къ изданію Байрона, снятыя съ прелестныхъ картинъ братьевъ Жоанно. Видно было, что Зинаида, только за минуту передъ тѣмъ, рассматривала эти гравюры и погасила свѣчу. Напротивъ дивана на мраморной доскѣ камина стояла алебастровая ваза съ томившимся свѣтомъ внутри.

Этотъ свѣтъ слабо, но привлекательно разливался по комнатѣ, будто поэтической свѣтъ луны. Онъ тонко посеребрялъ тысячи изящныхъ бездѣлокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыхъ принадлежностей будуара. Онъ бросалъ свои блѣдные лучи на очаровательное

лицо Зинаиды.

Она обратилась къ вошедшему мужу и легкимъ наклоненіемъ головы отвѣчала на поклонъ Горина...

Полковникъ началъ рассказывать, чрезвычайно важнымъ тономъ, о какомъ-то пустомъ происшествіи, случившемся въ то время въ городѣ, и безпрестанно посматривалъ на своего пріятеля, будто желая получить отъ него одобреніе за искусство рассказа.

Зинаида старалась казаться вниательною, но мысли ея были далеко... И могли ли занимать эту женщину пошлые рассказы, анекдоты, дурно сплетенные отъ праздности, которые ежеминутно бѣгаютъ по городу, безпрестанно обновляются и служатъ пищею толпѣ?

Горинъ стоялъ, прислонясь къ доскѣ каминна.

Утромъ этого дня онъ получилъ одно непріятное извѣстіе, которое было очень близко къ нему. Это извѣстіе заставило его притти въ себя, задуматься, даже вздохнуть о ничтожности своей жизни. Такъ справедливо то, что только въ горькія минуты человѣкъ

вполнѣ сознаеть самого себя, съ стѣсненнымъ сердцемъ развертываетъ передъ собою свитокъ своего прошедшаго и дѣлается собственнымъ, иногда неумолимымъ судьею. Въ эти только минуты онъ возносится надъ вседневными мелочами, окружающими его, и чувствуетъ свое высокое назначеніе.

О, какъ великъ, какъ гордъ, какъ прекрасенъ человѣкъ въ эти минуты! Будто орелъ, онъ величаво возносится духомъ, онъ смѣло говорить:

*Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!*

Смотрите на человѣка и любуйтесь имъ въ эти минуты... Онъ мимолетны... Вдохновеніе вспыхиваетъ какъ молнія, исчезаетъ какъ падающая звѣзда...

Зинаида, выслушавъ длинный рассказъ мужа и разсѣянно перебирая листки гравюръ, спросила его о чемъ-то. Это былъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые часто предлагаютъ жеищины для того, чтобы замѣстить нѣсколькими словами проможутокъ молча-

нья, вовсе не заботясь объ отвѣтъ. Потомъ, можетъ быть, удивленная тѣмъ, что Горинъ, всегда разсыпавшійся въ рѣчахъ, еще не произнесъ ни слова, она обернулась къ камину, у котораго стоялъ молодой человекъ: блѣднѣе обыкновеннаго казался онъ въ полусвѣтѣ комнаты: грусть придавала невыразимую привлекательность лицу его; въ его глазахъ выражалась душа, въ его положеніи не было этой вынужденной картинности *фата*; онъ весь былъ проникнутъ мыслию, весь озаренъ чувствомъ.

Зинаида не вѣрила глазамъ своимъ: она не хотѣла вдругъ, безотчетно поддаться ихъ обману и пристальнѣй стала вглядываться въ Горина. Но чѣмъ болѣе смотрѣла она на него, тѣмъ болѣе открывала въ немъ привлекательности. Боже мой! думала она, неужели это тотъ Горинъ, который безпрестанно вертится какъ флюгеръ по движенію вѣтра, который съ тономъ педантства и безчувственности разлагаетъ теоретически всѣ чувства на длину мазурки или французской кадрили, неужели это тотъ ходячій адресъ-календарь князей и графовъ, камергеровъ и камеръ-юнк-

керовъ?

— Ты сегодня въ самомъ несносномъ расположеніи духа, Валеріанъ! — воскликнулъ полковникъ, подходя къ Горину и ударивъ его по плечу. — Что съ тобой? Куда дѣвалась твоя обычная любезность? Вотъ ужъ полчаса, какъ ты въ будуарѣ женщины, и еще не вымолвилъ слова.

— Для чего же мнѣ было перебивать *тебя*? Я слушалъ! — равнодушно отвѣчалъ тотъ.

Полковникъ пріятно улыбнулся.

— Нѣтъ, это что-нибудь да значитъ, — продолжалъ онъ... — Какая-нибудь тайна! Я тебя оставлю одного съ Зинаидой... Мнѣ надо кой-куда съѣздить. Надѣюсь, что ты будешь любезнѣе и не дашь ей почувствовать моего отсутствія.

— Ты, кажется, никуда не хотѣлъ выѣзжать сегодня? — замѣтила Зинаида, глядя на мужа съ такимъ выраженіемъ, будто просила его остаться.

— Я тотчасъ ворочусь, — произнесъ онъ, пожавъ ей руку и выходя изъ комнаты.

Здѣсь, можетъ быть, кстати будетъ замѣтить, что уже болѣе года прошло, какъ

полковникъ былъ женатъ на Зинаидѣ: его любовь продолжалась недолго; онъ сталъ смотрѣть на жену, какъ на необходимую принадлежность своей квартиры.

И гдѣ же ему было оцѣнить эту женщину? Надобно имѣть сердце, чтобы понять другое сердце, надобно чувствовать въ себѣ душу, чтобы почувствовать ее въ другомъ существѣ. Для человѣка, понимающаго любовь, для человѣка, вполне любящаго, цѣлый міръ заключается въ очахъ избранной имъ женщины; потому что въ этихъ очахъ отражается душа ея, потому что эти очи — языкъ сердца.

Полковникъ зналъ, что люди могутъ влюбляться, потому что онъ самъ былъ влюбленъ. Въ этихъ двухъ словахъ: "любить женщину" для него заключался особенный смыслъ. Часто слышали, какъ полковникъ, съ важностью человѣка ученаго, говаривалъ, что онъ *матеріалистъ*.

Самое любимое препровожденіе времени его были карты. Въ картахъ онъ былъ истиннымъ артистомъ. Во время игры онъ забывалъ всѣхъ и все. Въ картахъ заключалась его жизнь, его надежды, его настоящее и буду-

щее. На картахъ разыгрывались его фантазіи, развивались мысли. Небольшое вліяніе, которое имѣла Зинаида на мужа въ первое время послѣ брака, съ каждымъ днемъ уменьшалось. Полковникъ скучалъ оставаться наединѣ съ нею, хотя еще старался скрывать это отъ другихъ. Городская молодежь говорила, будто онъ мало измѣнилъ привычкамъ своей холостой жизни. Но на слухи, распускаемые молодежью, не всегда можно положиться...

Вотъ почему онъ такъ равнодушно оставлялъ ее наединѣ съ молодымъ человѣкомъ, раздушеннымъ и ловкимъ, любезнымъ и образованнымъ.

Когда полковникъ вышелъ изъ комнаты, Зинаида, проводивъ его глазами, съ лицомъ свѣтлымъ улыбкою, или, вѣрнѣе съ лицомъ, выразившимъ желаніе улыбнуться, обратилась къ Горину.

— Въ самомъ дѣлѣ,— произнесла она,— я замѣчаю въ васъ необыкновенную перемену...

— Вы угадали,— отвѣчалъ онъ, не двигаясь съ мѣста и будто говоря съ самимъ собою. Она посмотрѣла на него значительно.

— Мнѣ наскучило общество, — продолжалъ онъ голосомъ, завѣрявшимъ въ истинѣ словъ его; — я думалъ найти въ обществѣ жизнь, облеченную въ мысль и чувство; вмѣсто того я увидѣлъ, что оно трупъ, только разукрашенный нарядными тряпками.

Зинаидѣ странно было слышать такое горькое замѣчаніе объ обществѣ изъ устъ человѣка, для котораго, казалось, все заключалось въ одномъ обществѣ. Могла ли она въ нарядномъ попугаѣ, какимъ до сихъ поръ считала Горина, подозрѣвать мысль и наблюдательность? Замѣчаніе это глубоко заронилось въ душу ея, потому что въ голосъ его была раздражительность чувства, потому что въ выраженіи лица его была убѣдительность истины. Къ тому же, она хорошо поняла слова молодого человѣка, потому что эти слова были выжжены и на ея сердцѣ. Она впервые узнала, что такое сочувствіе; она догадалась, чего недоставало ей въ жизни; она нашла то, чего такъ давно и напрасно искала. Это была одна изъ счастливыхъ минутъ ея. Лицо Зинаиды загорѣлось румянцемъ, она была плѣнительнѣе и ненагляднѣе, чѣмъ когда-ни-

будь.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете объ обществѣ? — спросила она послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, глядя на Горина, съ этимъ невиннымъ любопытствомъ ребенка, которое не можетъ не нравиться.

— Я бы желалъ думать иначе, — отвѣчалъ онъ, — но для этого надобно сбросить пять лѣтъ опытности, пять лѣтъ ежедневныхъ наблюденій, которыя, право, не легко доставались мнѣ.

— А теперь, когда опытъ и наблюденія съ вами, когда вы извѣдали ничтожность, пустоту общества, для чего же вы все еще въ кругу его и, кажется, съ такимъ самодовольствіемъ?

Онъ улыбнулся.

— Потому что человѣку дана здѣсь одна отрада, безъ которой существованіе его было бы тяжело; эта отрада — надежда. Кто знаетъ, можетъ быть, я встрѣчу въ обществѣ существо, которое пойметъ, отличить меня отъ толпы?.. Вѣдь мы всѣ живемъ будущимъ...

— И развѣ до сихъ поръ я напрасно былъ въ обществѣ, когда въ немъ встрѣтилъ васъ?

Произнеся на вѣтеръ эту одну изъ тысячи свѣтскихъ любезностей, такъ нещадно расточающихся въ гостиныхъ, Горинъ бросилъ на Зинанду пронизательный взглядъ...

Она сидѣла съ поникнутою головкой и одной рукой прихотливо дергала бахрому голубого платочка, который былъ небрежно накинуть на ея бѣлую мраморную грудь; другая рука ея, опираясь о диванъ, рисовалась на темной шелковой ткани.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ слышался однозвучный стукъ маятника огромныхъ бронзовыхъ часовъ, стоявшихъ на пьедесталѣ.

Когда Горинъ выходилъ изъ будуара, было за половину двѣнадцатаго. Ни онъ, ни она не замѣтили, какъ пролетѣло время... Онъ былъ плѣненъ ея свѣтлою, ангельскою наружностью, довѣріемъ ея младенческаго сердца; она, удивленная, была въ восторгѣ отъ его образованнаго ума, отъ его поэтической души.

Она давно составила въ мысляхъ своихъ идеаль мужины. И вотъ теперь этотъ идеаль такъ неожиданно явился передъ нею изъ-за отуманенныхъ очерковъ фантазіи;

онъ, казалось, переходилъ въ образъ вещественный, изъ мечты въ жизнь...

Съ этого вечера Горинъ замѣтилъ, можетъ быть, слишкомъ рѣзкую перемѣну въ обращеніи съ нимъ Зинаиды. Свѣтлицкій открылъ ему ея задушевную тайну, которую она боялась открыть даже самой себѣ, но которую тщетно старалась скрыть отъ людей.

И участь этой женщины, и участь этого ангела рѣшалась съ такою дерзостью въ чаду вина, въ безумствѣ опьянѣнія, въ грязныхъ развалинахъ оргіи!..

... "I am not what I am." ... I.
Shakespears.

На другой день послѣ этого буйнаго объѣда, который я только очеркнулъ вначалѣ, избавляя читателей отъ слишкомъ рѣзкихъ и ненужныхъ подробностей, часовъ въ одиннадцать утра, Горинъ лежалъ въ огромныхъ эластическихъ креслахъ, игравшихъ самую важную роль въ его затѣйливомъ кабинетѣ. Такія кресла — необходимая вещь для свѣтскаго человѣка: взлелѣянный нѣгою, въ нихъ покоится онъ, утомясь мятежною игрою страстей, уставъ отъ неизбѣжныхъ своихъ обязанностей. Съ картинною небрежностью прислонивъ свою голову къ подушкѣ этихъ креселъ, такъ удобно падающихъ назадъ, онъ лѣниво развортываетъ въ памяти своей прошедшій день; собираетъ свои отборныя фразы, разбросанныя въ продолженіе этого дгя; взвѣшиваетъ эффектъ, произведенный ими, самодовольно улыбается, прихотливо пускаетъ изъ своей длинной трубки огром-

ные клубы дыма. Въ этихъ креслахъ истинно свѣтскій человекъ — эгоистъ болѣе чѣмъ когда нибудь. Разнѣживая только свою физическую жизнь, окружая только свое тѣло роскошью удобствъ, онъ невольно грубѣетъ, онъ, не замѣчая, притупляетъ свои чувствованія, уничтожаетъ высокую часть самого себя. Въ самомъ дѣлѣ, человекъ, соблазнительно, покойно развалившійся въ такихъ креслахъ, съ ногами, свѣсившимися на богатый коверъ, съ огромнымъ янтаремъ у рта, вдыхающій въ себя чары ароматическихъ испареній; человекъ, въ воображеніи котораго мелькаютъ разноцвѣтныя, плѣнительныя гирлянды женщинъ, огромныя мраморныя залы, освѣщенныя тысячами огней, ложи перваго яруса во французскомъ спектаклѣ, заказные обѣды у Дюме — не счастливѣйшій ли это человекъ въ мірѣ? Скажите, когда, и кстати ли, или низко ли ему думать о людяхъ, лишенныхъ всего этого, можетъ быть, со слезами вырабатывающихъ себѣ кусокъ хлѣба?

Знаетъ ли онъ о существованіи такихъ людей? Можетъ ли онъ имѣть въ нихъ участіе? Понимаетъ ли онъ, что такое зна-

читать на языкъ челоѡческомъ горе? О, это слово, вѣрно, съ трудомъ отыщешь въ аристократическомъ словарѣ!..

Къ счастью, Горинъ не былъ вполнѣ свѣтскимъ челоѡкомъ, онъ только принуждалъ себя быть имъ. Не аристократъ по рожденію, не имѣвшій милліоновъ въ виду, онъ держался въ этомъ раззолоченномъ кругу своимъ рѣзкимъ умомъ и замѣчательнымъ образованіемъ. Онъ могъ сочувствовать несчастію, потому что могъ самъ легко испытать несчастіе; онъ зналъ людей съ ихъ нуждами, съ ихъ горемъ, и понималъ ихъ страданія. Аристократъ только по одной наружности, онъ былъ гражданинъ по сердцу. Онъ хотѣлъ казаться опытнымъ и равнодушнымъ ко всему и не былъ ни тѣмъ, ни другимъ на самомъ дѣлѣ.

Пять лѣтъ свѣтской жизни не доставили ему ни одного отраднаго воспоминанія, ни одной счастливой минуты. Онъ только ловилъ на лету плѣнительные взоры этихъ роскошныхъ женщинъ, которыя достаются только или именамъ или выгодамъ, которыя, какъ мотыльки, летятъ на огонь, на блескъ, на зо-

лото.

Сердце Горина требовало любви; и какое сердце не требуетъ ея въ двадцатыхъ годахъ? Со всѣмъ жаромъ юноши онъ представлялъ себѣ счастье быть любимымъ.

Вотъ почему на другой день послѣ известнаго читателямъ обѣда, лежа въ эластическихъ креслахъ, какъ я сказалъ уже, одушевленный словами Свѣтлицкаго, Горинъ не чувствовалъ своего нездоровья. Онъ былъ любимъ: эта неразлучная съ нимъ мысль, эта поэтическая греза его осуществлялась теперь! — Боже мой! Неужели то не обманъ, не сонъ, не призракъ услужливаго воображенія?.. И тысячи этихъ придиричивыхъ "неужели" толпились въ отуманенной головѣ Горина.

Невозможно передать ощущеній юноши въ ту минуту, когда онъ въ первый разъ начинаетъ увѣряться въ томъ, что любимъ. Не два раза въ жизни бываетъ такая минута! Уловимы ли тѣ чудныя, пламенные картины, которыя развиваются тогда передъ глазами его; тѣ яркіе, лазурные, очаровательные цвѣта, которыми разрисовывается для него

весь міръ? О, въ эту минуту онъ легче мечты, быстрѣе времени! Онъ переходитъ изъ веществованія въ жизнь, изъ дѣйствительности въ миѳъ...

Горинъ испытывалъ все это. Зинаида была передъ нимъ, увѣнчанная чистыми вымыслами поэзіи: то ослѣпительная какъ солнце, то томная, упоительная какъ луна. Въ одно время — недоступная святыня христіанскаго и чувственнаго героиня миѳологическаго міра...

Послѣ такой минуты безотчетнаго восторга, цвѣтныхъ видѣній распаленнаго воображенія, въ головѣ его черною тѣнью пробѣжала досадная мысль, что Зинаида не принадлежитъ къ дамамъ высшаго круга, что имя ея не внесено въ бархатную книгу аристократическихъ гостиныхъ. И потомъ, когда онъ, можетъ быть, устыдился этой мысли, въ немъ зародилось сомнѣніе. Точно ли я люблю ея? спрашивалъ онъ самого себя и старался припоминать выраженіе рѣчей ея, силу взглядовъ. Можно ли положиться на слова Свѣтлицкаго? думалъ онъ: и какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ проникнуть тайну женщины?

Но Свѣтлицкій былъ одимъ изъ тѣхъ таинственныхъ людей, образцы которыхъ вы вѣрно иногда встрѣчаете въ Петербургѣ, и не можете дать себѣ отчета, къ какому разряду причислить ихъ. Являющійся то на именинномъ вечерѣ въ низенькихъ и душныхъ комнатахъ чиновника, то на затѣйливомъ балѣ помѣщика, пріѣхавшаго для взрослыхъ своихъ дочекъ пожить въ столицѣ, то въ пышныхъ палатахъ аристократа; играющій въ вистъ отъ пяти до двухсотъ рублей роберъ; одинаково равнодушный въ выигрышъ и проигрышъ; всегда неумолчный говорунъ, движущееся собраніе анекдотовъ въ разныхъ родахъ; родословная книжка и сводъ формулярныхъ списковъ всѣхъ жителей Петербурга: Свѣтлицкій представлялъ собою одушевленную шараду, которую разгадать было не такъ легко... Путешествуя по чужимъ краямъ, онъ собралъ поверхностныя свѣдѣнія обо всемъ; могъ три часа сряду говорить непрерываемо о чемъ угодно и бросать пыль въ глаза многимъ, которые, дивясь его всеобъемлющимъ знаніямъ, слушали его, разиня рты. Такимъ образомъ, онъ слылъ въ городѣ за человека

необыкновенно умнаго и даже ученаго. Никто не зналъ и не заботился узнать, служить онъ или нѣтъ; по крайней мѣрѣ, было достовѣрно то, что онъ служилъ прежде; это доказывали орденскія ленточки въ его фракѣ. Говорили, что онъ не имѣетъ никакого состоянія; но этотъ говоръ врядъ ли былъ основателенъ, потому что карманъ Свѣтлицкаго былъ всегда набитъ деньгами; потому что на рукѣ его былъ перстень съ огромнымъ сверкающимъ брилліантомъ; потому что онъ одѣвался съ изысканностью, былъ безпрестанно въ театрахъ и концертахъ, велъ большую игру и ѣздилъ въ славномъ наемномъ экипажѣ. Онъ былъ коротко знакомъ со всею петербургскою молодежью, которая, Богъ знаетъ почему, имѣла къ нему довѣренность и для которой онъ былъ чрезвычайно занимательнымъ и почти необходимымъ лицомъ. Носились темные слухи, будто Свѣтлицкій... Но для чего говорить о слухахъ, которые не подтверждались ничѣмъ?

И Горинъ успокоился немного... Зачѣмъ, кажется, выдумать Свѣтлицкому на Зинаиду, и именно на нее? Къ тому же, развѣ мудрено,

что этотъ человекъ проникнулъ ея тайну; любовь невольно выскажется сама въ одномъ движеніи, въ одномъ взглядѣ... надобно только умѣть подмѣтить это движеніе, этотъ взглядъ. А онъ проникалъ и не въ однѣ любовныя тайны. Молодой человекъ улынулся; онъ приискивалъ въ головѣ всевозможныя доказательства для подтвержденія отрадной для него мысли. Онъ не могъ вдругъ обнять своего счастья, и грустное сомнѣніе щемило его сердце.

Когда Горинъ дернулъ за ленту звонка и взглянулъ на лежавшіе возлѣ него часы, было уже половина третьяго.

Неохотно приподнялся онъ съ кресель, и только приподнявшись, почувствовалъ головную боль, слѣдствіе вчерашняго пира.

Черезъ день послѣ того онъ гдѣ-то встрѣтилъ полковника и назвалъ къ нему объѣдать. Съ этихъ поръ онъ чаще обыкновеннаго сталъ посѣщать домъ его. А полковникъ былъ въ восторгѣ: онъ всѣмъ и каждому рассказывалъ о своей дружбѣ съ Горинымъ и прибавлялъ къ этому свое длинное разсужденіе о эгоизмѣ людей и о томъ, какъ

трудно сдѣлать выборъ друга.

Между тѣхмъ Горинъ совершенно измѣнился. Онъ оставилъ эти разгульные и разрушительныя игры юности, онъ пересталъ ѣздить въ общества, какъ прежде, отъ нечего дѣлать, для того, чтобы убить время. Жизнь его уже имѣла цѣль, имѣла мысль. Послѣ каждаго свиданія съ Зинаидою онъ открывалъ въ ней какую-нибудь новую обворожительную сторону, которой не подмѣчалъ прежде. Съ каждымъ днемъ она становилась для него привлекательнѣе, и съ каждымъ мгомъ жажда любви росла въ немъ, распаляемая воображеніемъ; но онъ еще не былъ вполне увѣренъ, точно ли она любитъ его. Ему нужны были уже не одни слабые признаки, а полная увѣренность. Это была первая эпоха любви — самая счастливая, самая сладительная! Передъ нимъ лежалъ вѣнокъ, составленный изъ душистыхъ цвѣтовъ мечты и надежды.

Зинаида сначала незамѣтно увлекалась пламенными рѣчами Горина, его роскошнымъ даромъ выраженія, часто этою заносчивостью юнаго чувства; потомъ она стала любо-

ваться его сверкающими очами, привлекательнымъ очеркомъ лица его... Ей хотѣлось взглядѣться въ него пристальнѣй, чтобы короче ознакомиться съ нимъ. Онъ заманилъ ея любопытство. То обыкновенный паркетный любезникъ, то человекъ глубокомыслящій, то досадно равнодушный ко всему, то проникнутый чувствомъ; въ одно время восхищающійся посредственною игрою французской актрисы и благоговѣющій передъ дивнымъ величіемъ Наполеона и Байрона: онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, занимательно странень.

Но стараться поинтъ его, но разсматривать его вблизи не было ли опасно для женщины, окруженной обстоятельствами Зинаиды? Ея любопытство въ этомъ случаѣ не походило ли на любопытство дитяти, которое невинно протягиваетъ свою ручонку къ огню и потомъ вскрикиваетъ отъ боли, обжигаясь?

Однажды, когда въ будуарѣ Зинаиды сомнительное мерцаніе сумерокъ смѣшивалось съ красноватымъ фантастическимъ свѣтомъ огня, разгоравшагося въ каминѣ, она раздумчиво сидѣла противъ этого огня, и мысли ея,

съ легкостью плѣнительной бабочки, перелетая въ очарованный кругъ прошедшаго, порхали съ цвѣтка на цвѣтокъ, съ воспоминанія на воспоминаніе; когда она забывалась въ этомъ мірѣ, имѣвшемъ для нея уже всю поэтическую прелесть отдаленности; когда передъ очами ея возставали свѣтлые, святые образы ея дѣтства; когда грудь ея хотѣла облегчиться долгимъ вздохомъ; когда глаза ея начинали туманиться слезами и эти слезы за-сверкали на длинныхъ томныхъ рѣсницахъ... дверь будуара скрипнула.

Она вздрогнула, сердце ея сильною заби-лось; она съ судорожнымъ движеніемъ под-несла платокъ къ глазамъ и, тотчасъ отдер-нувъ его, оборотилась къ двери.

У этой двери стоялъ Горинъ, казалось, не смѣя сдѣлать шагъ впередъ и будто выжидая ея привѣта.

Лицо Зинаиды примѣтно измѣнилось.

— Ахъ, это вы! — произнесла она слабымъ, едва слышнымъ голосомъ.

— Простите меня, — произнесъ онъ, бросая на нее испытующій взглядъ, — можетъ быть, я не кстати прервалъ ваше уединеніе...

— О, нѣтъ, нѣтъ... ничего... — возразила она, но голосомъ замѣтно робкимъ... — Вы видѣли Вольдемара?

— Кажется, его нѣтъ дома, — хладнокровно отвѣчалъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы правы, его нѣтъ съ самага утра... Что жъ вы не сядете?

— Скажите откровенно: я помѣшалъ вамъ...

— Отчего вы такъ думаете? — торопливо прервала она. — Право, нѣтъ! Знаете ли, передъ вашимъ приходомъ я замечталась. Со мной это часто случается. — Она улыбнулась. — Сегодня утромъ я получила письмо изъ деревни отъ матушки, и мои мысли невольно обратились къ прошедшему. Мнѣ такъ бы хоѣтлось въ эту минуту видѣть ее, быть съ нею... Но правда ли, это простительная прихоть? — прибавила она послѣ минутнаго молчанія.

— Теперь я еще больше, еще сильнѣе вижу мою неловкость. Но я, право, нехотя разрушилъ ваши мечты, и, несмотря на то, я беспощадно заслуживаю наказанія... Неправда ли, я теперь похожъ на тѣхъ злодѣевъ, которые

часто своими докучливыми посѣщеніями, все не подозрѣвая того, вырываютъ лучшія минуты у поэта, минуты его вдохновенія? О, это безбожно! А мечтающая женщина — развѣ это не поэтъ? Она еще выше поэта. Она сама вдохновляется и вдохновляетъ другихъ...

Зинаида потупила очи, пригладила рукою гладкія шелковистыя тесьмы волосъ — и отодвинулась отъ камина, потому-что лицо ея пылало...

Горинъ смотрѣлъ на нее и чувствовалъ, какъ могучими кольцами, будто змѣя, страсть обвивала его... и сильнѣй и крѣпче давила въ своихъ кольцахъ и впускала въ него свое ядовитое жало... Тутъ онъ впервые понималъ вполне, что мужчина можетъ сдѣлаться работою женщины.

Когда Зинаида подняла очи и украдкою, боязливо, взглянула на него, въ этомъ взглядѣ блеснулъ для него небесный лучъ, радужный лучъ надежды — и сердце его затрепетало, отозвалось на этотъ взглядъ...

— Отчего вы такъ задумчивы?.. — спросила Зинаида Горина, который, опустивъ свою

голову на руку, смотрѣлъ на тѣнь ея пожекъ, соблазнительно лежавшихъ на богатомъ коврѣ.

— Я думалъ, — отвѣчалъ онъ, — о томъ, что я скоро долженъ или совершенно помириться съ жизнью, или рассориться съ нею навсегда...

— Зачѣмъ же рассориться? — возразила она.

— Потому что съ нѣкотораго времени... я не принадлежу самому себѣ...

Онъ остановился, онъ хотѣлъ договорить ей страстнымъ пламеннымъ языкомъ очей то, чего не смѣлъ произнести словами, чего не могъ выразить бѣдными условными звуками.

Легкая дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

Дрова почти догорѣли въ каминѣ, и только легкій огонекъ, разноцвѣтно и прихотливо перебѣгая, потухалъ, оставляя на черномъ пеплѣ яркія звѣздочки, будто на флерѣ, обсыпанномъ блестками... Въ будуарѣ было темно...

Зинаида пришла въ себя... Она теперь только замѣтила, что будуаръ не былъ

освѣщенъ, что она сидѣла наединѣ съ нимъ, и торопливо схватила лежавшій на столѣ колокольчикъ...

— Поскорѣй освѣтитъ комнаты! — сказала она вошедшей горничной.

Черезъ четверть часа Горинъ, лежа въ коляскѣ, мчался домой...

— Эта женщина несравненна... но она, кажется, *недоступна*, — мыслилъ онъ.

Кровь кипѣла въ юношѣ, и мысли его бродили въ какомъ-то туманѣ, и образъ ея роскошно обнималъ его воображеніе. Въ это время онъ былъ готовъ на все — за одинъ любовный взглядъ ея...

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Горинъ сдѣлался уже необходимымъ лицомъ въ домѣ полковника. Онъ былъ, какъ говорятъ, *другъ дома*. Можетъ быть, онъ не сомнѣвался болѣе въ любви Зинаиды, но эта любовь не подвинулась ни на шагъ противъ прежняго. Она съ тяжкою болью таила въ своемъ сердцѣ преступное чувство, она силилась побороть себя и желала отдалить Горина. А эта борьба распаляла его еще болѣе...

Разъ какъ-то между довольно длиннымъ

разговоромъ, который могъ служить прекраснымъ образомъ энциклопедической болтовни гостиныхъ, Свѣтлицкій намекнулъ Горину, что въ обществахъ стали замѣчать его отсутствіе. Горинъ молчалъ. Черезъ нѣсколько минутъ Свѣтлицкій подвелъ разговоръ къ тому же.

— Въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкотораго времени, — говорилъ онъ, — васъ почти не встрѣчаютъ ни въ театрахъ, ни въ залахъ. Это добрый знакъ... Видно вамъ наскучило безъ пользы расточать любезность передъ всѣми. Вы сосредоточились, вы посвятили себя одному предмету. Такъ и должно. Нельзя же вдругъ гоняться за нѣсколькими бабочками... Не такъ ли?

Онъ засмѣялся и взялъ Горина за руку.

Брови Горина примѣтно надвинулись на глаза... Онъ кусалъ нижнюю губу.

Слова Свѣтлицкаго, равнодушныя, заостренныя холодной ироніей, прикрашенныя натянутымъ смѣхомъ, взбѣсили его, и онъ не могъ скрыть этого.

— А правда, — продолжалъ Свѣтлицкій, будто не замѣчая измѣненія лица молодого

человѣка, — правда, я васъ-таки встрѣчалъ въ гостиныхъ... Гдѣ-бишь это? Да, кажется, у И*. Полковникъ очень милъ, согласитесь? Боже мой! И онъ, онъ имѣетъ такую жену! вѣрьте послѣ этого въ вышнее правосудіе...

Голосъ и лицо Свѣтлицкаго приняли какую-то торжественность...

— Послушайте меня, Горинъ, вы мнѣ всегда нравились, я говорю это не всѣмъ и каждому, повѣрьте мнѣ. Вы человѣкъ благородный, я не сомнѣваюсь въ томъ. Мои лѣта и опытъ не обмануть меня. Ради Бога, не подавайте всякому безперому птенцу руки для дружбы. Это не мой совѣтъ, я не смѣлъ бы совѣтовать вамъ. Такъ говорилъ старикъ Шекспиръ, а онъ, право, зналъ, что говорилъ... Не ввѣряйте вашихъ чувствъ никому, я сорокъ лѣтъ трусъ съ людьми, я знаю, что такое люди... Но всего болѣе бойтесь молодежи. Она разнесетъ вашу тайну на своихъ вѣтреныхъ крыльяхъ... и тогда...

— Я, право, не понимаю васъ; развѣ я имѣю какія-нибудь тайны?

— Полноте скрыватьсь... Вы знаете, что мнѣ извѣстны ея чувства къ вамъ. Не удив-

ляйтесь, но спрашивайте меня, почему я знаю?.. Я вамъ не могу дать другого отвѣта, кромѣ того, что я живу сорокъ лѣтъ. Она любить васъ, это вѣрнѣе всѣхъ аксіомъ въ мірѣ. Подобной женщины вы не встрѣтите въ обществѣ, я ручаюсь вамъ... Ея мужъ самое глупое животное. Къ тому же, онъ день ото дня равнодушнѣй къ ней...

Свѣтлицкій осмотрѣлся кругомъ, наклонился къ уху молодого человѣка и едва слышно произнесъ:

— *Она будетъ ваша!*.. Вы вѣдь также любите ее?..

Горинъ видѣлъ, что скрывать ему отъ этого человѣка напрасно. Онъ даже былъ тронутъ его участіемъ и дружески пожалъ ему руку...

— Да, я люблю ее! — произнесъ онъ сквозь зубы.

И вогъ одна минута рѣшила все. Свѣтлицкій сдѣлался его повѣреннымъ; онъ отдалъ себя въ его руки.

— Прекрасно! все покровительствуетъ вамъ. Мужъ съ утра до ночи внѣ дома, съ ночи до утра за картами... О, вы должны развер-

нуть передъ нею новый міръ, заставить узнать ее, что такое *счастіе*, окружить ее, эту бѣдную женщину, душистыми розами любви, задернуть для нея *прошедшее* и...

— Свѣтлицкій! вы забываетесь! — прервалъ его молодой человекъ съ жаромъ. — Она не принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ, которыхъ встрѣчаете дюжинами повсюду: ее не ослѣпишь грудой брилліантовъ, ее не расплавишь огнемъ очей. Ея нервы не раздражены ароматическими испареніями, какъ у княгини С*, она не распустится, какъ княгиня, розовой водой отъ одного прикосновенія страсти... Нѣтъ! вы знаете, что Зинаида вооружена религіей, надѣлена высокими чувствованіями чистой души.

Свѣтлицкій наклонился, будто поправляя запонку рубашки: онъ улыбнулся.

— Гм! вы правы, — возразилъ онъ. Чистая душа, религія, все это такъ; но вѣдь съ такими женщинами надобно и дѣйствовать иначе... На одной половинѣ вѣсовъ небо, на другой земля... О, вѣрьте мнѣ, земля тяжелѣе, земля всегда перетянетъ... Можетъ быть, лишній мѣсяцъ колебанія, боренія, а страсть всегда

возьмегъ свое... Ну, да это дѣло рѣшеное. Гдѣ вы сегодня объдаете, Горинъ?..

— А который часъ?

— Уже половина пятаго.

— Поѣдемте къ Дюме.

— Меня, было, звалъ сегодня объдать баронъ М*.

— О, нѣтъ, нѣтъ! я не пущу васъ... Мы вмѣстѣ.

И вотъ Свѣтлицкій, почти всякій день, пи- ровалъ такимъ образомъ на счетъ неопытно- сти и дѣтскаго довѣрія ближнихъ.

И послѣ этого не справедливо ли пользо- вался онъ громкимъ титуломъ умнаго чело- вѣка?

Слово "умнаго" на языкѣ свѣтскомъ имѣетъ особенное значеніе. Да и впрочемъ много ли словъ, которыя принимаются на этомъ языкѣ въ прямомъ ихъ смѣелѣ? Свѣтскій языкъ совершенно условный, и на- добно быть посвящену въ таинства этихъ условій, чтобы совершенно понимать его.

Кто не позавидуеетъ тѣмъ, для которыхъ за- крыта книга свѣта, для которыхъ непонятны и чужды условія общества? Пріятно глядѣть

на Божій мірѣ свѣтлыми очами юности, видѣть во веѣхъ высокій идеаль челоуѣка, возстающій такъ гордо и привлекательно въ дѣвственномъ воображеніи юноши, обнимать людей отъ полноты сердца, носить въ груди святое желаніе принести себя въ жертву челоуѣчеству, не знать другой поэзіи кромѣ поэзіи Шиллера!

Почему же называютъ несчастіемъ рановременную кончину?... Если вы когда-нибудь нечаянно зайдете на кладбище, если, утомленные, уснете на могилѣ, и сонъ вашъ будетъ легокъ и безмятеженъ, какъ майское утро, и слухъ вашъ освятится гармоническимъ пѣніемъ ангеловъ въ воздушномъ пространствѣ: вѣрьте мнѣ, вы были на могилѣ семнадцатилѣтняго юноши!

Но небо только удѣль избранныхъ, остальные должны страдать и переносить страданія. Опытъ развернетъ передъ ними картину, отъ которой, можетъ быть, сердце ихъ обольется кровью; опытъ сорветъ маски съ людей, которые окружаютъ ихъ, и, вмѣсто сладкаго радушія и увѣреній въ горячей привязанности, они увидятъ ледяной эгоизмъ и

невыносимую бездушность, вмѣсто восторженнаго поцѣлуя друга — ядовитый поцѣлуй Иуды. Опытъ покажетъ имъ на черныя, закулисныя дѣянія этихъ людей, которыхъ всѣ считаютъ героями правды, чистыми и непогрѣшимыми, на людей, съ такимъ энтузіазмомъ проповѣдующихъ о добродѣтели и нравственности. Опытъ шепнетъ имъ на ухо, что люди, въ теплотѣ души которыхъ они никогда не посмѣли бы сомнѣваться, эти чинные, тихіе, опрятные люди, которые ужасаются торжества порока въ романахъ и неизмѣняемо носятъ пѣтушій хохолокъ на головѣ, оскорбляясь всѣми нововведеніями, которые всегда сидятъ за книгой и говорятъ безпрестанно о книгахъ — непонятно равнодушны и къ людямъ, и къ книгамъ, и ко всему въ мірѣ, исключая собственной пользы. И въ заключеніе всего этого, разрушительный, мрачный геній Байрона стѣною наляжетъ на грудь ихъ!

Надежды и очарованія юности зальются отравой познанія, увянутъ въ удушливомъ чаду общества. Юноша сдѣлается мужемъ.

Горинь принадлежалъ къ числу тѣхъ

счастливыхъ характеровъ, по которымъ впечатлѣнія могутъ долго скользить, не нарѣзывая морщины на челъ. Къ тому же жизнь такъ соблазнительно улыбалась передъ нимъ, и онъ съ самозабвеніемъ кружился въ толпъ, а невѣдомое грядущее зрѣло для него въ *лонѣ таинственныхъ судьбъ*.

"Свѣтлицкій — человекъ чудесный!" думалъ онъ, стоя передъ зеркаломъ и поправляя булавку, которая зашпиливала длинные концы его галстука: "совѣты его дышатъ мудростью, каждое его слово извлекается изъ опыта. Такіе люди, какъ онъ, чрезвычайно полезны!"

— Эй, велите подавать коляску!

И онъ, вооруженный совѣтами Свѣтлицкаго, несся, по обыкновенію, къ И*, и, по обыкновенію, просиживалъ съ Зинаидой цѣлый вечеръ. Если его не было до восьми часовъ въ ея будуаръ, она всегда, съ примѣтнымъ безпокойствомъ, начинала поглядывать на часовую стрѣлку и прислушиваться къ стуку экипажа на улицѣ. Она такъ привыкла къ нему, онъ былъ такъ необходимъ для нея, потому что ему одному она

повѣряла съ младенческою довѣренностью свои мысли и замѣчанія. Онъ такъ хорошо понималъ ее. Она мечтала видѣть въ немъ — друга!

Иногда увлеченная пылкостью спора, съ сверкающими очами, съ разгорѣвшимся щечками, она — вдохновенная и преіфаеная — незамѣтно схватывала своей бѣлой, нѣжной ручкой его руку... По немъ пробѣгалъ трепеть отъ этого прикосновенія.

Равнодушный къ обязанностямъ религіи, какъ большая часть молодыхъ людей въ этомъ вихрѣ общественныхъ отношеній, Горинъ, казалось, вдругъ измѣнился. Конечно, то не было раскаяніе, сознаніе прежнихъ заблужденій, желаніе искупить грѣхи прошедшаго, а можетъ быть новый и болѣе тяжкій грѣхъ. Церковь, домъ молитвы и покаянія, сдѣлалась для него средствомъ видѣть Зинаиду, которую онъ слѣдилъ по веюду. Но прислонясь къ колоннѣ храма, незамѣченный ею, Горинъ, не спуская очей, смотрѣлъ на нее, смиренную и молящуюся, и познавалъ, что такое святыня.

Женщина, съ лицомъ ангела, на колѣняхъ

передъ Божіимъ алтаремъ, въ прозрачномъ облакѣ куренія, съ слезами раскаянія или умиленія на очахъ, съ устами, лепечущими сердечную молитву, внимающая торжественное, звучное пѣніе, хвалебные гимны челоѡка Богу, улетученные вѣщими звуками и возносящіяся къ престолу Его — женщина, въ эти минуты, полная священнаго трепета, вся — покорность, вся — любовь, вся — вѣра: вотъ когда она несравнима, величественна!

Такова была Зинаида во храмѣ

— Знаете ли, — сказала она однажды Горину, — я не могла бы существовать безъ религіи, мои дни были бы тяжки и грустны безъ молитвы. Но теперь я часто забываю обязанности къ Богу, а теперь-то болѣе чѣмъ когда-нибудь мнѣ нужна Его помощь.

Она вся вспыхнула, будто испугавшись, что молодой челоѡкъ проникнетъ таинственный смыслъ ея словъ, и тотчасъ перемѣнила разговоръ.

Горинъ не слыхалъ ничего болѣе: эти слова и это смятеніе завѣряли его въ настоящемъ счастья и, можетъ быть, предзнаменовали будущее блаженство.

Въ это самое время полковникъ, заманенный большимъ выигрышемъ въ одномъ изъ такихъ домовъ, гдѣ собирались всѣ знаменитости картежнаго петербургскаго міра, лица прославленныя и ославленныя картами, предался игрѣ еще съ большимъ энтузіазмомъ. Онъ составлялъ въ головѣ своей блистательную для себя будущность, ему всюду мерещились груды золота. И полковникъ былъ правъ. Одно только золото могло поддерживать его въ свѣтѣ, одна надежда на выигрышъ. Состояніе его не было такъ велико, чтобы могло поддерживать жизнь, какую онъ привыкъ вести, а обстоятельства успѣли измѣниться — и *связи и высшая протекція*, за которыя отецъ Зинаиды отдалъ ее полковнику, уже не могли болѣе лелѣять ихъ воображеніе. Бѣдный отецъ поздно увидѣлъ и почувствовалъ свою ошибку. Онъ поневолѣ сдержалъ свои честолюбивыя фантазіи и сталъ заботиться только о вещественномъ и настоящемъ, т.-е. объ удержаніи за собой подолѣе губернаторскаго мѣста, которое онъ получилъ вскорѣ послѣ замужества своей дочери.

Въ концѣ мая окна квартиры полковника были забѣлены мѣломъ, потому что онъ и жена его переѣхали на дачу.

Старинный деревянный домъ этой дачи, выстроенный со всѣми затѣями роскоши золотыхъ временъ Екатерины Великой, возвышался на горѣ или, вѣрнѣе выражаясь, на искусственной насыпи. Окруженный сзади вѣтвистою рощею березъ, онъ былъ совершенно открытъ съ лицевой стороны, мимо которой тянулась большая Петергофская дорога. Противъ самаго дома, на скатѣ пригорка, пестрѣли разноцвѣтныя клумбы — блѣдное богатство сѣверной флоры, а по другую сторону дороги исчезала вдали къ морю аллея, сжато обсаженная разросшимися ивами.

Внутренность дома гармонировала вполнѣ съ его наружнымъ видомъ: большія, мрачныя комнаты, обтянутыя полинялыми отъ времени штофомъ и обоями, и паркетъ, составленный изъ разноцвѣтныхъ расщелявшихся кусочковъ.

Въ залѣ, которой окна выходили на сторону дороги и изъ которой дверь въ серединѣ

фасада вела на массивную галлерею передъ домомъ — въ этой залѣ прямо бросался въ глаза огромный каминъ изъ каррарскаго мрамора, изукрашенный самыми вычурными барельефами.

Зинаида изъ всѣхъ этихъ огромныхъ комнатъ выбрала для своего будуара одну, которая располагалась чрезвычайно уютно надъ залой, въ широкомъ мезонинѣ дома. Изъ окна этой комнаты виднѣлась сизая, взволнованная полоса моря, утопавшаго въ туманѣ.

Ея взоръ часто, разсѣкая воздушное пространство, останавливался на этой полосѣ моря и, убаюканный его колебаніемъ, сливался съ неопредѣленностью. И долго, долго потомъ, пригорюнясь, съ очами, устремленными въ мутную даль, безъ мечты, безъ мысли, безъ думы, въ состояніи совершенно безотчетномъ, но глубоко поэтическомъ, она сидѣла у окна будуара.

Она любила море: его болѣзненный стонъ, его прихотливые всплески, его благородную гордость; все это было близко съ порывами ея души. И какъ не любить моря? И какъ не плѣняться порой дикою поэзіей сѣвера?..

Взгляните на эту темную рощу елей у самого поморья, такъ рѣзко отдѣляющуюся отъ сѣраго неба. То кажется грозный отрядъ великановъ, то отважная ватага черныхъ латниковъ, жаждущая бурь, посмѣивающаяся надъ вьюгами и морозами, и остановившаяся впервые, въ какомъ-то благоговѣйномъ раздумьѣ передъ величіемъ и необъятностью моря, и угрюмо помагающая ему своими щетинистыми главами.

Выдаются минуты и въ жизни человѣческой, когда сердце требуетъ только впечатлѣній грустныхъ, когда глаза ищутъ величія и дикости, а въ такія минуты идите къ морю. Оно своимъ стономъ заглушитъ стонъ вашего сердца, оно будетъ взрывать передъ вашими глазами страшныя, черныя бездны и подымать горы, ограняя серебромъ ихъ вершины...

О, въ такія минуты изучайте красоту русской природы и прислушивайтесь къ звучнымъ напѣвамъ заунывныхъ пѣсенъ русскаго народа!

Сроднитесь съ этой поэзіей, она прекрасна, потому что истинна, потому что невольюно

щемить сердце, потому что невольно извлекает слезу... И послѣ улыбитесь на эти жалкія усилія людей, которые во время оно величались у насъ *поэтами* и съ такими забавными гримасами *натягивались страдать и плакать!*

Зинаида часто стояла у берега моря; часто, сидя за фортепіано и отдаваясь вся гармоніи своенравныхъ звуковъ, не докончивъ пѣнія, смолкала, и слезы, одна за другой, будто свѣтлыя жемчужины, падали на клавиши, потому что она отыскивала какой-нибудь звукъ, на который сердце ея отвѣчало другимъ отзывнымъ звукомъ...

Горинъ не могъ уже такъ часто бывать у Зинаиды; но его пугало не разстояніе, потому что для любви нѣтъ разстоянія, но вѣроятно мысль, что онъ подастъ поводъ къ этимъ невиннымъ и простодушнымъ замѣчаніямъ и рассказамъ, которые можетъ быть довели до гроба не одну женщину.

Общество всегда имѣетъ своихъ "*Княженъ Мими*": и какъ избѣжать ихъ позора? и какъ спастись отъ нихъ?..

Въ одинъ изъ его пріѣздовъ на дачу И* —

(это было, кажется, въ іюль, въ то время, когда полковникъ расточалъ свою храбрость на манёврахъ) — часовъ въ восемь прекраснаго вечера, *онъ* и *она* сидѣли на галлерей, обставленной цвѣтами, которые картинно спускались по ступенямъ этой галлерей къ красной дорожкѣ сада.

Мимо ихъ, по большой дорогѣ, изрѣдка проѣзжала огромная четверомѣстная карета, запряженная чахоточною ямскою тройкою, или мчалась четвернею коляска, исчезая въ облакѣ пыли, или тянулась пустая телѣга со скрипомъ и протяжною пѣснью крестьянина...

Въ воздухѣ, растворенномъ ароматомъ цвѣтовъ, была совершенная тишь; только порой кой-гдѣ на деревѣ шевелился листочекъ отъ дуновенія. Природа начинала нѣжиться въ тонкой прохладѣ, едва избавясь отъ удушающаго жара, но еще на лицѣ ея горѣлъ яркій румянецъ заката.

— Знаете ли, какое самое счастливое время въ жизни? — говорилъ Горинъ задумчиво, ощипывая листки цвѣтка, который онъ вертѣлъ въ рукѣ... — Это переходъ изъ

дѣтскаго въ юношеской возрастъ, это первый шагъ изъ школы въ гостиную, когда воображеніе представляетъ передъ нимъ чудныя картины будущаго, когда всѣ предметы, кажется, разрисовываются передъ нами радужными красками, когда сердце ваше бьется ожиданіемъ и надеждою... И я былъ счастливъ, потому что испыталъ все это...

— А развѣ теперь вы несчастливы? — возразила она шутя. — О чемъ вы грустите, на что вы вѣчно жалуетесь, будто русская элегія? Развѣ ваше настоящее такъ черно, развѣ для васъ нѣтъ будущаго?

— И вы меня спрашиваете объ этомъ?

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Да, я думаю, что для меня нѣтъ счастья ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, потому что оно давно въ рукахъ другого... а этотъ другой...

Если бы вы могли въ ту минуту видѣть блѣдную Зинаиду... Блѣдная, помертвѣлая, она внимала его рѣчамъ; каждое его слово падало раскаленнымъ углемъ на ея сердце; она безпрестанно вздрагивала, она хотѣла скрыть волненіе — и не могла. Она хотѣла не пони-

мать смысла словъ его — и такъ хорошо понимала этотъ смыслъ. Идеаль друга исчезалъ передъ ея глазами: передъ ней стоялъ любовникъ. Она чувствовала себя на краю бездны, она смотрѣла въ глубину ея — и ея дыханіе захватывалось невольно, и голова ея начинала кружиться.

— Какъ здѣсь сыро, какъ воздухъ становится холодень! — произнесла она безотчетно, безцѣльно, не зная сама, что говоритъ...

Но она боялась одного слова въ устахъ его, она желала отдалить отъ себя его признаніе. Она искала вокругъ себя опоры, защиты, и видѣла себя оставленною, одинокою.

"Матушка! матушка! зачѣмъ ея нѣтъ здѣсь?.. О, оя спасла бы меня", думала Зинаида... "Я разлилась бы въ слезахъ на груди ея, и мнѣ стало бы легче!.."

Горинъ не видѣлъ измѣненія ея лица, не видѣлъ, какъ очертилась на немъ мучительная боль; подстрекаемый совѣтами Свѣтлицкаго, воспламеняемый собственною страстію, уже увѣренный въ любви къ нему Зинаиды, онъ рѣшился, не отлагая, открыть

ей состояніе своей души и вымучить отъ нея доказательствъ любви болѣе земныхъ, болѣе вещественныхъ.

Хотя онъ думалъ, что уже довольно знакомъ съ обществомъ, но, въ самомъ дѣлѣ, это знакомство было слишкомъ поверхностно, потому что онъ зналъ его только наружно, изучалъ его только въ обрядахъ и формахъ. Онъ зналъ женщину по романамъ Бальзака или по драмамъ А. Дюма; сказать ли все? онъ отыскивалъ въ петербургскихъ обществахъ Аделей Дерве, графинь де-Босеанъ... но, разумѣется, стыдился признаваться въ этомъ. Правда, все это было очень смѣшно, но и естественно: Горинъ имѣлъ двадцать три года и раздражительную мысль о любви. Онъ смотрѣлъ съ грустнымъ негодованіемъ на людей и на жизнь; но то не было желѣзное, страшное разочарованіе опыта, о которомъ я уже намекнулъ здѣсь, а скорѣе *воздушная мечта о разочарованіи*, схваченная изъ нравоописаній современнаго парижскаго общества и странно приспособленная къ собственной жизни.

Онъ никогда не углублялся внутрь, не про-

никаль въ душу того общества, въ которомъ самъ начиналь быть дѣйствователемъ. Онъ не зналъ, что для этого нужно прежде задуматься надъ самимъ собою, разложить самого себя. Если въ Петербургѣ онъ бывалъ въ будуарахъ, одинаково мебелированныхъ съ партжскими будуарами Бальзака, изъ этого не слѣдовало, чтобы тѣ, которымъ принадлежали эти будуары, непременно походили на героинь времянь реставраціи. А онъ почти соединяль одно съ другимъ.

Какъ же ему было знать русскую женщину, ея отношеніе къ обществу? Какъ открыть въ ней тысячи незамѣтныхъ сторонъ, которыя развиваются изъ своенародной жизни?

Всо это я замѣтилъ здѣсь мимоходомъ, говоря о Горинѣ и желая показать, что онъ не понималъ и не оцѣнялъ вполнѣ души женщины, которую любилъ, и не заботился измѣрить силу своей любви къ ней.

Увлекаясь горячкою страсти, онъ слѣпо покорился ея разрушительному влеченію, какъ большая часть молодыхъ людей, пренебрегая послѣдствіями, забывая о будущемъ... Какъ дитя, онъ держалъ въ рукахъ найденную имъ

игрушку и, любуясь ею, можетъ быть, готовъ былъ безъ жалости разломать ее по минутному влеченію прихоти.

Но и дитя, когда игрушка выпадаетъ изъ рукъ его и распадается на части, стоитъ надъ обломками съ упрекомъ себѣ, съ горькимъ сознаниемъ своей шалости — и по розовымъ щечкамъ его катится слеза за слезой... Горинъ, прислонясь къ столбу галлерей, возлѣ стула Зинаиды, влюбленный и прихотливый, приступилъ къ рѣшительному открытію всего, что таилось такъ долго на душѣ его — и читатели видѣли, съ какимъ страхомъ она выслушивала его.

Когда до слуха молодого человѣка дошли слова ея, странно прервавшія его пламенную рѣчь, вмѣсто отвѣта, который выжидалъ онъ съ трепетомъ, слова, выхваченныя изъ вседневнаго обихода: "здѣсь сыро, воздухъ становится холодень!" — кровь бросилась въ голову молодого человѣка.

Подойдя къ двери, которая вела въ залу, отворивъ эту дверь и оборотясь къ Зинаидѣ, съ выраженіемъ рѣзко ироническимъ, онъ произнесъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, вы можете простудиться, такъ долго оставаясь на галлерей, и еще наединѣ съ человѣкомъ, разговоромъ котораго вы такъ скучаете... Не удобное ли вамъ войти въ комнату?..

Она бросила на него быстрый и значительный взглядъ и, не произнеся ни слова, вошла въ залу.

Горинъ вошелъ вслѣдъ за нею и притворилъ дверь.

Она сѣла или, вѣрнѣе сказать, бросилась въ широкія кресла и устремила безцѣльный взглядъ на огромную картину въ старинной, уже почернѣвшей золотой рамѣ, висѣвшую на противоположной стѣнѣ.

Онъ взялъ со стола свою шляпу и сдѣлалъ шагъ, чтобы подойти къ Зинаидѣ съ прощальнымъ поклономъ.

Она замѣтила это движеніе и оборотилась къ нему.

— Какъ! Неужели вы собираетесь ѣхать? — спросила она слабымъ голосомъ. — Развѣ вы не хотите остаться здѣсь, по крайней мѣрѣ, до чаю?

— Мнѣ кажется, я и безъ того обезпокоилъ

вась... Я не привыкъ быть въ тягость другимъ... А длить посѣщеніе можно только тогда, когда оно доставляетъ удовольствіе.

Она тяжело вздохнула.

Этотъ вздохъ противъ воли вырвался изъ стѣсненной груди ея, можетъ быть обнаруживъ всю тягость положенія беззащитной женщины.

Богъ знаетъ, былъ ли понять и почувствованъ молодымъ челоѡкомъ этотъ болѣзненный вздохъ?

Но онъ отбросилъ свою шляпу на диванъ и съ быстрымъ движеніемъ придвинулъ кресла къ ея кресламъ.

— Если вы позволите, я остаюсь, — произнесъ онъ голосомъ, который отражалъ сильное душевное волненіе, — и остаюсь для того, чтобы объяснить вамъ причину моего грустнаго, *элегическаго* состоянія, какъ вамъ угодно было выразиться...

Она вздрогнула.

— Четверть часа терпѣнія — не болѣе! Я не утомлю васъ моимъ рассказомъ; я знаю, что женщины скучаютъ выслушивать длинныя объясненія, точно такъ же, какъ читать длин-

ные романы...

И онъ очеркнулъ передъ Зинаидой картину своей жизни смѣлыми и рѣзкими штрихами, выразительно, но безъ подробностей, понятно, но быстро. То была заглавная виньетка къ современному роману, плѣнительная виньетка Тони Жоанно. Онъ передалъ ей эти заповѣдныя тайны души, которыя передаются только испытанному другу или любящей женщинѣ.

Когда онъ кончилъ, минута молчанія длилась долго — и Зинаида сидѣла все съ потупленными очами; только густой румянецъ, покрывавшій ея щеки, обличалъ въ ней волненіе сильнѣе прежняго — и Горинъ, смотря на нее, думалъ проникнуть: что значить это волненіе?

— Теперь вы видите, — продолжалъ онъ, — что такое я, и возьмете на себя трудъ объяснить мои странности въ отношеніи къ вамъ... Да, я только странень здѣсь, въ этой комнатѣ, съ вами... О, рано или поздно, я долженъ былъ говорить съ вами откровенно... теперь, сію минуту, я чувствую болѣе смѣлости, чѣмъ когда-нибудь... Тысячу разъ,

сидя наединѣ съ вами, я хотѣлъ произнести — и не смѣлъ... Выслушайте же меня теперь: вы видите, я очень несчастливъ... Я люблю васъ!..

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ ее. Она сидѣла на шеверясь, холодна и безчувственна, какъ могильный мраморъ; только эта рука, которую цѣловалъ онъ, дрожала подъ страстнымъ поцѣлуемъ юноши.

Вдругъ слезы вырвались, долго удерживаемая слабою волею женщины; она встала съ кресель съ быстрымъ движеніемъ, но это движеніе, эта быстрота были благородно плѣнительны.

Поправивъ локонъ волосъ, упавшій на глазъ и смоченный слезами, она подняла голову съ какою-то невыразимою величавостью.

— Г. Горинъ, — проговорила она довольно твердымъ голосомъ, — я никогда не перестану упрекать себя за опрометчивость: я поступила очень безразсудно, ища вашей дружбы. Я, можетъ быть, подала вамъ поводъ думать, что не считаю ни во что свои обязанности. И вотъ почему вы считаете себя въ правѣ гово-

рить мнѣ то, чего я не должна была слушать...
Г. Горинъ, я имѣю мужа и могу быть матерью
соемства.

Молодой человекъ, окаменѣлый, стоялъ
среди комнаты. Видно было, что онъ вовсе
не ждалъ такой развязки.

Потомъ онъ обернулся вокругъ себя: въ
комнатѣ уже никого не было...

IV

*Не можешь ли явить ты такъ изда-
лека,
Какъ злой языкъ клеветника,
Отъ коего нельзя спастись ни за гора-
ми,
Ни за морями?
И. А. Крыловъ.*

Мелкій, осенній дождь разстилался густы-
мъ туманомъ.

Фонари едва виднѣлись въ опустѣлыхъ
улицахъ Петербурга.

Въ одной изъ улицъ, обитатели которой
вѣрно наслаждались уже полнымъ
спокойствіемъ сна, среди темныхъ оконъ
тускло свѣтился огонекъ въ одномъ только
окнѣ. То былъ огонекъ блѣдный, слабый,
мерцающій; огонекъ, наводящій грусть, а не
бросающій въ глаза вдругъ, весело, когда
вы окружены удушливой тьмой.

У кого и зачѣмъ мерцалъ этотъ огонекъ?

Не была ли то лампада, затепленная
усердіемъ передъ огромнымъ образомъ про-
стодушнаго, бородатаго и богобоязливаго куп-

ца?

Не былъ ли то сальный огарокъ, мутно освѣщавшій чахоточную, судорожную фигуру челоуѣка, дрожавшаго надъ грудями золота?

Не была ли то прозрачная, тонкая восковая свѣча въ изящномъ бронзовомъ подсвѣчникѣ, въ раздушенной спальнѣ очаровательной женщины, которая, пользуясь тишиною и тайною ночи, съ робостью заглянула эту свѣчу, безпрестанно озираясь кругомъ себя, чтобы перечитать въ десятый разъ записку своего любовника?

Правда, то былъ сомнительный свѣтъ ночной лампы въ спальнѣ, у постели женщины, но женщины чистой и святой, у изголовья, безмолвно, безропотно омочавшагося горькими слезами... въ спальнѣ Зинаиды!

Блѣдная, облокотившаяся на столъ, въ бѣломъ легкомъ ночномъ пеньюарѣ, съ длинными волосами, опускавшимися на обнаженную грудь, она съ необыкновеннымъ одушевленіемъ пробѣгала строки какого-то письма, лежавшаго на столѣ передъ нею. Глаза ея впивались въ это письмо, сверкали радостью и наслажденіемъ... Потомъ она заду-

мывалась, отрывала взоры отъ письма, подымала головку, протираала глаза, снова принималась читать — и, казалось, все еще ме совсьмъ вѣрила прочитанному.

Радость, одушевлявшая Зинаиду въ эту минуту, была свѣтла и ярка, какъ солнечный день; къ этой радости не примѣшивалось чувства боязни, на нее не набрасывала своей мрачной тѣни тайна.

То была боязливая радость дитяти, радость, которая хочегь непременно высказаться, ищетъ участниковъ, безгрѣшно-безукорная радость!

И она заключалась въ одной строчкѣ письма, которое лежало передъ нею...

Это было письмо матери. Эта строчка содержала въ себѣ слѣдующія слова:

"Черезъ полтора мѣеца, а можетъ быть и ранѣе, я обниму тебя, другъ мой".

Матушка будетъ здѣсь, опять со мною, она будетъ ласкать меня попрежнему, я крѣпко прижму ее къ моему сердцу: вотъ что наполняло ее, вотъ почему она не могла разстаться съ письмомъ, вотъ почему она въ двадцатый разъ перечитывала его — и все еще

сомнѣвалась въ своемъ счастьи, и задумывалась, и спрашивала себя: неужели это въ самомъ дѣлѣ? неужели она точно будетъ возлѣ меня, со мною?..

Ей хотѣлось спать, она не думала о снѣ, ей досадно было, что такъ скоро наступила ночь... поскорѣе бы утро, поскорѣе бы забрежжиль свѣтъ...

Въ ближней комнатѣ часы однозвучно пробили три четверти перваго.

Какъ долго идетъ время! Еще сколько часовъ до разсвѣта!

Вдругъ колокольчикъ у подъѣзда зазвенѣлъ, дернутый сильною, нетерпѣливою рукой... Она вздрогнула — и лицо ея въ минуту вспыхнуло, и какая-то темная дума сморщила брови.

— Это онъ! — прошептала она.

Въ домѣ послышался стукъ. Полуспящіе лакеи неловко, спотыкаясь, забѣгали по лѣстницѣ. Раздался громкій, сердитый голосъ; глухо отозвались въ пустыхъ комнатахъ безпокойные шаги человѣка и звонъ шпоръ. Ближе и ближе, слышнѣй и слышнѣй...

Она еще разъ вздрогнула и еще разъ про-

шептала:

— Это онъ!

Черезъ минуту дверь спальни отворилась, и передъ Зинаидой стоялъ мужъ ея.

Его лицо было блѣдно, его волосы въ безпорядкѣ, его мундиръ разстегнуть...

Она взглянула на него, она прочла на лицѣ его гнѣвъ и досаду, она поняла съ замираніемъ сердца, что значитъ этотъ гнѣвъ и досада.

— Отчего вы не легли спать до сихъ поръ? — спросилъ онъ грубо.

— Я дожидалась тебя, я хотѣла...

— Дождаться меня? — Ну, а если бы я не могъ быть домой до утра? Вы все ждали бы меня?

Онъ засмѣялся.

— Я хотѣла сообщить тебѣ мою радость, Вольдемаръ: знаешь ли что? Я получила письмо отъ матушки...

И она устремила на него свой ангельскій взоръ, и она слѣдила, какое впечатлѣніе произведутъ эти слова на лицѣ его.

Онъ нахмурилъ брови, отвернулся и сталъ ходить поперекъ комнаты.

— Какъ, она будетъ сейчасъ, теперь, скоро? — говорилъ онъ прерывисто... — Зачѣмъ? что ей угодно здѣсь?

Слезы выступили на глазахъ бѣдной женщины, но она скрыла ихъ.

— Ей угодно видѣть меня, видѣть дочь свою, которую она не видала вотъ уже скоро два года.

— Два года! Вѣдь она получаетъ постоянно каждую недѣлю ваши письма, вѣдь она знаетъ, что вы здоровы. Чего же больше?

— Другъ мой! Ты сегодня очень разстроенъ... Боже мой! Вольдемаръ, неужели ты хотѣлъ бы лишить меня одного наслажденія, одного, которое остается мнѣ въ жизни — видѣть матушку?

— Все это очень хорошо, только не теперь, не сію минуту; мои дѣла и безъ того разстроены, каждая копейка для меня составляетъ счетъ...

— О, не безпокойся, не безпокойся... я не заставлю тебя, я не захочу, чтобы ты издерживалъ свои деньги на этотъ расходъ... Нѣтъ, никогда!.. Она будетъ вѣрно не надолго сюда, ея пребываніе здѣсь не будетъ стоить дорого...

Къ тому же у меня есть брилліанты, которые я получила въ приданое... Я продамъ мой фермуаръ и...

— Твои брилліанты! а! Послушай, Зинаида...

И онъ отвелъ ее въ сторону, къ окну...

— Мнѣ сію минуту нужны, необходимо нужны твои брилліанты... крайность... я тебѣ отдамъ ихъ черезъ мѣсяцъ, можетъ быть прежде... Я проигралъ большую сумму... Мнѣ нужны теперь деньги... иначе я потеряю кредитъ, ты понимаешь меня?

И онъ крѣпко сжалъ ея руку.

— Я радъ за тебя, что твоя матушка будетъ сюда... Послушай, Зинаида, мнѣ нужны деньги, я не надолго заложу твои брилліанты...

— Если тебѣ угодно; но, другъ мой...

— Да, да! и сейчасъ, потому что я долженъ выѣхать завтра рано утромъ, очень рано...

Черезъ минуту она молча поставила передъ нимъ на столъ три красныя сафьянныя коробки.

Онъ съ жадностью бросился къ этимъ коробкамъ и открылъ ихъ...

— Тутъ нѣтъ твоего большого креста! —

нетерпѣливо произнесъ полковникъ... — Гдѣ же онъ?

— Этотъ крестъ подаренъ мнѣ матушкою... я берегу его... онъ мнѣ дороже всѣхъ вещей... я никогда не разставалась съ нимъ...

— Я возвращу его тебѣ черезъ мѣсяцъ...

— Вольдемаръ! другъ мой! Я тебѣ отдамъ все, все, что ты хочешь, все, что ты прикажешь ьшѣ, но ты оставишь у меня этотъ крестъ? Не правда ли?

И она посмотрѣла на него такъ убѣдительно, съ такою мольбой.

Онъ снова нахмурился.

— Мнѣ нуженъ и этотъ крестъ! Слышишь ли ты? и этотъ крестъ! Чего мнѣ болѣе отъ тебя требовать? Здѣсь все мое, все... Развѣ ты забыла, что я взялъ тебя только съ однѣми этими тряпками, которыя навѣшиваютъ на себя женщины?

Она схватилась за ручку табуретки.

— Что жъ — вамъ не угодно исполнить мою просьбу? Вы хотите, чтобы я васъ еще упрашивалъ?

— Сейчасъ, сейчасъ... — произнесла она слабымъ голосомъ и едва могла дойти до ко-

мода.

Ноги ей измѣняли.

— Вотъ крестъ.

Она протянула руку съ коробкой, и рука ея дрожала. Онъ взялъ всѣ эти коробки и положилъ въ боковой карманъ мундира...

Часы пробили половину второго.

— Тебѣ, я думаю, пора спать, уже такъ поздно...

Онъ вышелъ изъ комнаты, дверь захлопнулась.

Она упала безъ чувствъ...

Это была тайная сцена изъ домашней жизни Зинаиды: одна только сцена, выхваченная наудачу изъ тысячи сцемъ, отъ которыхъ бы вы отвернулись съ негодованіемъ; а изъ этихъ сценъ сцѣплена была жизнь ея. Это темная сторона брака; это только одинъ примѣръ брака изъ выгодъ, изъ расчетовъ, гдѣ нѣтъ другой идеи, кромѣ звѣздъ, или *имени*, или *золота*, или надеждъ и на то, и на другое, и на третье, одинъ только изъ тысячи подобныхъ браковъ!..

Какъ рассказать, какъ передать все, что терпѣла бѣдная Зинаида? Въ продолженіе

двухъ лѣтъ ни одного взора участія, ни одного сердечнаго слова, ни одного отвѣта на мысль души. И ко всему этому преступное чувство любви къ другому, странная борьба любви съ святынею долга, и желаніе затаить и затушить въ себѣ эту любовь... Вотъ исторія этой женщины; вотъ драма, которую бы можно было развернуть съ ужасающею послѣдовательностью, драма, которая, вѣрно, не требовала бы *притянутыхъ эффектовъ*, драма поразительной истины, передъ которую должно бы привести отцовъ и матерей, заставить ихъ содрогнуться и потомъ указать имъ на громовый судъ Бога!

И что, если бы въ этомъ состояніи, безнадежномъ и мучительномъ, кто-нибудь еще шепнулъ ей на ухо, что ея участію, съ хладнокровнымъ расчетомъ, люди располагали заранѣе; что эти люди равнодушно придумывали средства къ ея паденію; что они, можетъ быть, рассказывали другъ другу за тайну объ ея связи съ другимъ; что эта тайна росла, росла и наконецъ сдѣлалась общимъ достояніемъ; и пустой рассказъ, ни на чемъ не основанный, сплетенный такъ, по догадка-

мъ, вылился во всѣ формы истины.

Что, если бы она узнала объ этомъ?

Свѣтлицкій, въ самомъ дѣлѣ, собирая около себя кружокъ молодежи, съ важностью заложивъ руки въ карманы, говорилъ съ таинственнымъ видомъ:

— Господа, посмотрите-ка на Горина: право, онъ молодецъ! Онъ пользуется жизнью; онъ въ связи съ одною изъ лучшихъ женщинъ Петербурга... Знаете ли, кто эта женщина?

И онъ произносилъ имя *Зинаиды*, и не хотѣлъ думать о томъ, что пятнаетъ чистое, святое имя. Что ему было до этого? Онъ сообщалъ *новость*.

А эту новость разносила повсюду молодежь, выслушивавшая его и вѣрившая ему.

И вотъ однажды въ богатой гостиной княгини С*, освѣщенной тысячами свѣчъ, горѣвшей огнями и золотомъ, у малахитоваго стола, уставленнаго бронзою, отражавшеюся въ огромномъ зеркалѣ, стояли двѣ женщины въ бальныхъ платьяхъ, каждая съ букетомъ цвѣтовъ въ рукѣ, раздушенныя и прекрасныя.

— Знаешь ли, Lise, отчего такъ давно ни-

гдѣ не было видно Горина? — говорила одна изъ нихъ съ улыбкой ироніи, которая смѣшивалась съ какою-то надменностью. — Знаешь ли, отчего? Онъ влюбленъ. И въ кого? Въ эту И* — ты видала ее? Женщина такого страннаго тона! — Она, разумѣется, бросилась къ нему на шею — и онъ въ восторгъ! — А несчастный полковникъ, мужъ ея — весь проигрался...

— Bravo! — перебила другая — и эти женщины разыгрываютъ романы *à la Balzac!* только эти романы вѣрно отзываются русской передѣлкой и пахнутъ не парижскими духами, а *l'eau de Cologne* съ гостиннаго двора.

Въ этой же самой гостиной, только въ другомъ концѣ ея, стояли двое пожилыхъ мужчинъ во фракахъ. Одинъ изъ нихъ былъ Свѣтлицкій.

Они продолжали вѣроятно давно начатый разговоръ.

Свѣтлицкій говорилъ:

— Да, счастье, неимовѣрное счастье! Почти во всю игру съ нимъ у меня король навскрышъ! Я бросилъ карты, я говорилъ ему, что я не хочу пользоваться навѣрное его день-

гами, что при такомъ счастья... Но вы знаете? Этотъ И* горячъ въ картахъ до безумія. Доходило до ста тысячъ, онъ рвалъ на себѣ волосы — и я далъ ему оыгратъся...

— А сколько отыгралъ онъ?

— Тридцать три тысячи.

— Гм! — такъ вы взяли у него шестьдесятъ семь? Это хорошо. Экарте и тинтере — игры чрезвычайно азартныя.

— Нѣтъ, вообще въ играхъ надо благоразуміе, наполеоновскій расчетъ и ледяное хладнокровіе... — А! Горинъ! j'ai deux mots à vous dire! — И Свѣтлицкій взялъ за руку молодого человѣка и увлекъ его въ залу.

Когда они проходили по залѣ, Горинъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ дамъ смотрѣли на него съ коварной улыбкой, и одна сказала ему мимоходомъ:

— Какъ вы перемѣнились, monsieur Горинъ! Вы пополнѣли: видно приморскій воздухъ полезенъ вамъ. Вѣдь вы, кажется, жили по Петергофской дорогѣ? Я васъ часто встрѣчала тамъ.

— Вы ошибаетесь, — отвѣчалъ онъ ей холодно... — Я не жилъ по Петергофской дорогѣ

и не имѣлъ удовольствія встрѣтить васъ тамъ ни разу.

— Чего хотятъ отъ меня эти женщины? — продолжалъ онъ, оборачиваясь къ Свѣтлицкому. — И что значатъ эти намеки?

Онъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Будто вы не догадываетесь? — возразилъ Свѣтлицкій. — Онъ завидуютъ счастью другой женщины, съ которой никогда не могутъ сравниться.

— Завидуютъ счастью другой женщины? Я не понимаю, что вы хотите сказать мнѣ...

— Ну, да: завидуютъ женщинѣ, которую вы любите. Это такъ естественно. Это въ ихъ характерѣ... зависть...

— А какъ знаютъ онъ, что я люблю кого-нибудь?

И онъ еще разъ посмотрѣлъ на Свѣтлицкаго.

— Вы сегодня все такъ горячо принимаете. Что съ вами? Мы живемъ въ Петербургѣ, и вы хотите скрыть вашу любовь отъ общества, къ которому принадлежите? Это ужъ слишкомъ. Здѣсь все знаютъ, все подмѣчаютъ, все подозрѣваютъ, обо всемъ догадываются. На-

добно прожить, сколько прожилъ я, чтобы узнать механизмъ, проникнуть въ закулисныя дѣйствія этихъ обществъ.

— Вы правы; но, если эти люди осмѣлятся чернить имя той, которая чиста какъ ангель; если эти люди, живущіе сплетнями...

— Ради Бога, тише! не забудьте, что мы окружены со всѣхъ сторонъ взглядами и наблюденіями. Вотъ именно ваша теперешняя горячность можетъ подать поводъ къ пустымъ и непріятнымъ для васъ подозрѣніямъ. Подозрѣнія часто имѣютъ вѣсь истины въ глазахъ общества. Противъ этого говорить нечего, хоть это очень горько.

— О, это ужасно!

— А сколько разъ вы сами повторяли шутя, такъ, безъ всякой злобы, людской говоръ: этотъ человекъ въ связи съ такою-то женщиною, эта женщина дѣлаетъ то-то... Вы не имѣли другихъ основаній, какъ слухи? Все это изстари ведется между людьми.

— Теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, я понимаю, что это ужасно! Имя женщины должно быть неприкосновенно и свято. Ничего нѣтъ труднѣе, какъ узнать женщину, и вы,

Свѣтлицкій, съ вашимъ опытомъ и знаніемъ людей, и вы можете иногда ошибиться, иногда можете поставить существо чистое и высокое заурядъ съ этими женщинами...

И молодой человекъ указаль головой на цвѣтную гирлянду дамъ, собравшихся въ залъ.

— И вы ошиблись, — продолжалъ онъ съ значительной улыбкой, увлекаая Свѣтлицкаго въ амбразуру окна, — да, согласитесь сами? Знаете ли, я никогда не прощу себѣ, никогда, что я прежде осмѣлился смѣшивать ее со всѣми, что я не понималъ, какъ любить она, что такое ея любовь, что я оскорблялъ эту женщину моими безумными выходками! Помните ли то утро, когда я прибѣжалъ къ вамъ, три мѣсяца назадъ тому: я проклиналъ ее въ то утро, а теперь, теперь...

Свѣтлицкій грызъ ноготь пальца, губы его хотѣли искривиться усмѣшкой...

Горинъ не замѣчалъ этого; его пылкая душа требовала участія, сочувствія: и онъ забывалъ, кому и для чего говорить; и онъ не зналъ, что человекъ, вмѣсто участія, вмѣсто сочувствія, оболъетъ слова души его ядомъ

насмѣшки и выставить ихъ на позоръ первому, кто попадется ему навстрѣчу.

— Помните, послѣ этой сцены на дачѣ, я не хотѣлъ было ѣздить къ И*, ея поступокъ со мной казался мнѣ оскорбительнымъ. Я думалъ никогда болѣе не видать ее, и увидѣлъ черезъ двѣ недѣли послѣ того въ церкви.

Горинъ схватилъ за руку Свѣтлицкаго.

— Она стояла на колѣняхъ и молилась съ глубокимъ чувствомъ. Крупныя слезы катились по блѣдному лицу ея. Это была истинная молитва вѣрующей; это были жгучія слезы страданія. О, за каждую слезу ея потребуется тяжкій отчетъ, если есть правосудіе тамъ!.. Вы удивляетесь словамъ моимъ, не правда ли? Я не похожъ въ эту минуту на прежняго Горина? Да, я перемѣнился, очень перемѣнился; рано или поздно мнѣ надобно было сдѣлаться человекомъ; и она меня призвала къ новой жизни, ей я обязанъ всѣмъ... Если бы я могъ передать вамъ впечатлѣніе, которое производитъ на меня теперь эта праздничная зала и эти бездушныя лица... Но послушайте: я смотрѣлъ на нее долго, долго; она не видала меня... я и прежде часто

смотря на нее молящуюся, а никогда не чувствовал того, что почувствовал в ту минуту... Надобно было иметь каменное сердце или быть вовсе без сердца, чтобы в ту минуту не простить ей всего, всего — даже смертельной обиды, чтобы не тронуться величием этой женщины!.. После обѣдни я долго не рѣшался подойти къ ней; но когда я уже стоялъ передъ лицомъ ея, она меня встрѣтила своей радушной улыбкой. Это была ея прежняя улыбка... Я ожилъ... Она заговорила со мной тѣмъ же голосомъ, проникавшимъ до сердца, будто между нами ничего не было... "Вы насъ совсѣмъ забыли. А я и мужъ мой всегда такъ рады васъ видѣть"... Мужъ мой! Я весь вспыхнулъ. Она, кажется, замѣтила это и сказала мнѣ: "я буду васъ ждать". И вѣрите ли, Свѣтлицкій, я всего въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ былъ у нихъ только четыре раза, потому что я не могу видѣть ее рядомъ съ этимъ полковникомъ. Я не знаю, что будетъ со мной, но если онъ...

— Вы поэтъ, Горинъ! Вы имѣете чудный даръ живописать! Вы сильно чувствуете! — воскликнулъ Свѣтлицкій и пожалъ руку мо-

лодому челоѡѡку.

"Какъ несносны эти влюбленные! — думаль онъ. — Вотъ челоѡѡкъ, мучиль меня цѡлый часъ, рассказывая всякѡй вздоръ, какъ будто для меня занимательна его *интрига!*"

— Простите, я долженъ оставить васъ. Я далъ слово на вистъ барону М*... Онъ, я думаю, давно ждетъ меня.

Горинъ остался на томъ же мѡстѡ. Свѡтлицкѡй проскользнулъ въ тѡ комнаты, гдѡ были открыты зеленые столы.

Когда онъ садился играть, мимо его проходилъ камеръ-юнкеръ *.

— Ахъ, знаете ли что, графъ? Умора! Вообразите, я едва только вырвался отъ Горина. Злодѡй, замучиль меня. Цѡлый часъ увѡрялъ, что онъ питаетъ самую идеальную и чистѡйшую любовь къ И*. Насъ съ вами трудно увѡрить въ этомъ. Мы, признаться, что-то давно не вѡримъ въ *идеализмъ!* А?..

И онъ засмѡялся.

Savez-vous ce que c'est que d'avoir une mère? en avez-vous eu une, vous? savez-vous ce que c'est que d'être eu Tant, pauvre enfant, faible seul au monde... et de sentir que vous avez auprès de vous, autour de vous, au-dessus de vous, marchant quand vous marchez, s'arrûtant quand vous vous arrêtez, souriant quand vous pleurez, uue femme..... — non, on ne sait pas encore que c'est une femme-un ange qui est là, qui vous regarde, qui vous apprend à parler, qui vous apprend à rire, qui vous apprend à aimer!
V. Hugo.

Въ горячихъ и тѣсныхъ объятіяхъ материнской любви лежала почти бездыханная Зинаида. Это было ровно черезъ полтора мѣсяца послѣ страшной для нея ночи. Старушка хотѣла одушевить ее своими поцѣлуями и вызвать румянецъ жизни на ея мертвыя, блѣдныя щеки, тотъ румянецъ беззаботности и счастья, который нѣкогда украшалъ ея дѣвственность. Она съ ужасомъ смотрѣла на лицо дочери, которое такъ измѣнилось отъ

горя, и жгучія слезы старушки одаа за другой падали на это лицо. Она читала на немъ всю исторію жизни несчастной, съ перваго дня разлуки съ нею, и ничто не ускользало отъ пронизательнаго взора матери!

Когда Зинаида открыла глаза, когда чувства постепенно стали возвращаться къ ней, она еще крѣпче прижимала къ своей груди старушку.

— Это вы, матушка! вы! О, вѣдь это не сонъ? Не правда ли? Пощупайте, какъ бьется мое сердце... Это вы, вы! опять со мною! Вы ужъ болѣе не оставите меня, не правда ли?

И она несвязно лепетала ей эти перерывистыя слова, которыя невозможно передать, эти слова, вырывающіяся изъ души и лежащіяся прямо на душу, эти отрывки раздраженныхъ чувствъ, эти звуки, проникающіе весь составъ вашъ, которые нельзя опредѣлить и которыхъ невозможно не почувствовать, на которые нѣтъ отвѣта, но *есть* поцѣлуи.

И старушка цѣловала ее и, разглаживая ея шелковые волосы, смотрѣла ей прямо въ глаза.

— Мы такъ давно не видались съ тобой, такъ давно! дай мнѣ насмотрѣться на тебя. Безъ тебя мнѣ было очень грустно.

— И мнѣ также очень грустно, матушка!

Когда эти первыя минуты душевныхъ изліяній прошли, старушка посмотрѣла кругомъ себя. То былъ будуаръ Зинаиды; только ужъ не въ такомъ видѣ, какъ прежде. Все измѣнилось! Комната сохранила только свое названіе, но въ ней не было ни ковра, ни бронзы, ни картинъ, ни мрамора, ни этихъ дорогихъ и прекрасныхъ бездѣлокъ, которыя обыкновенно разбрасываются съ такою умышленной и привлекательной небрежностью. Лишь остатки дорогой мебели, не гармонировавшіе съ голыми стѣнами и вообще съ какою-то непріятною пустотою, были тяжелыми свидѣтелями прежняго великолѣпія.

Сердце бѣдной матери при этомъ видѣ сжалось невыразимою тоскою...

Время шло, и слишкомъ быстро, для обѣихъ: дочь отдыхала на груди матери, у нея теперь было родное сердце, отвѣчавшее на біеніе ея сердца, душа, сочувствовавшая ея

душѣ. Мать съ мучительнымъ чувствомъ видѣла, какъ тайная болѣзнь, или тайное горе, съ разрушительною постепенностью дѣйствовали на Зинаиду, какъ потухалъ лучъ за лучомъ ея свѣтлыхъ очей, какъ исчезала свѣжесть съ лица ея. Обѣ онѣ дорожили каждой минутой и боялись разставаться другъ съ другомъ, будто имъ дано было свидѣться на краткій срокъ. Обѣ онѣ были грустны, и одна отъ другой скрывали грусть.

— Ты нездорова, другъ мой? — говорила ей однажды старушка — не послать ли за докторомъ? Сегодня ты что-то блѣднѣе обыкновеннаго, твои глаза какъ-то мутны. Какъ ты себя чувствуешь?

— Ничего, матушка, я здорова. Вамъ это такъ кажется. Ради Бога, успокойтесь... Ничего...

Она скрывала болѣзнь, которая уже давно таилась въ ней и начинала быстро развиваться.

Послѣ минуты молчанія она сѣла на диванъ возлѣ старушки и, придерживая одною рукой свою отяжелѣвшую голову, пристально посмотрѣла на нее. Лицо Зинаиды пылало румянцемъ. Она сжала руку матери въ своей

рукъ...

— Матушка! — произнесла она робкимъ, боязливымъ голосомъ. — Матушка! У меня давно лежитъ на душѣ такая-то тягость. Я до сихъ поръ не открыла вамъ... Выслушайте меня, но безъ гнѣва, ради Бога, безъ гнѣва, потому что я не буду въ силахъ перенести его.... О, я чувствую мое преступленіе, но что же мнѣ дѣлать?

И она закрыла руками лицо свое, чтобы удержать потоки слезъ.

— Что съ тобою, дитя мое, другъ мой? Зачѣмъ ты клепнешь на себя? Ты не можешь быть преступница! Нѣтъ! посмотри, глаза твои сохранили то же простодушіе, какое они выражали въ твоемъ дѣтствѣ. Я гляжу на тебя, какъ бывало, когда ты сидѣла на рукахъ моихъ, я держала твою головку, всю въ кудряхъ; волосы твои тогда были свѣтлѣе, я любовалась тобой и цѣловала тебя, и говорила: "О, Господь долженъ услышать молитву мою: *она будетъ счастлива!*"

Послѣднія слова старушка произнесла едва слышно, потому что горестъ задушала ее.

Зинаида положила свою голову на плечо

къ ней и цѣловала ея руки.

— Матушка! — говорила она прерывающимся голосомъ — я всегда свято сохраняла мою обязанность... Богъ видитъ, я всегда свято сохраняю ее! Но я никогда не могла любить... моего мужа... Матушка! я люблю другого.

Она бросилась къ ногамъ матери, и голова страдальцы упала на колѣни. Она рыдала.

— Не правда ли, это преступленіе? Но что я могла сдѣлать? Я сама не знала, какъ это грѣшное чувство разливалось по мнѣ... я поздно увидѣла мое бѣдствіе... можоть быть я какъ-нибудь нечаянно высказала ему то, что должна бы была скрывать какъ ужасную тайну... И онъ любитъ меня — и я допустила его сказать мнѣ это... Слышала, какъ онъ произносилъ слово "люблю"... Но я никогда не признавалась ему въ любви моей. Клянусь вамъ, матушка! О, вы сжалитесь надъ вашею бѣдною дочерью! Вы взглянете на меня ласково. Вамъ первой открыла я мое сердце... и мнѣ теперь легче, гораздо легче...

Мать и дочь лежали въ объятіяхъ другъ друга, и ихъ слезы смѣшались...

Въ одинъ изъ длинныхъ зимнихъ вечеро-
въ Горинъ сидѣлъ у письменнаго стола въ
своемъ кабинетѣ. Блѣдное освѣщеніе разлива-
лось въ комнатѣ отъ зеленаго стекла лампы,
на столѣ, между грудями книгъ, стояла воско-
вая свѣча, трескомъ своимъ изрѣдка преры-
вавшая тишину. Онъ былъ углубленъ въ
чтеніе. Передъ нимъ былъ развернутъ Шекс-
пиръ на половинѣ третьяго дѣйствія "Ромео и
Юліи".

Онъ остановился на этой любовной, очаро-
вательной картинѣ, когда Ромео въ комнатѣ
Юліи съ грустью смотритъ въ окно и прислу-
шивается къ пѣнію жаворонка, извѣщающаго
разсвѣтъ; когда она, полная непорочности и
нѣги, съ такимъ простодушіемъ упрашиваетъ
его еще не покидать ее и говоритъ ему сво-
имъ сердечнымъ, убѣдительнымъ голосомъ:
"До утра еще далеко! Ты ошибся, супругъ мой,
тебѣ слышится голосъ соловья. Повѣрь мнѣ,
это соловей..."

Горинъ оставилъ книгу и въ волненіи
сталъ прохаживаться по комнатѣ.

Тысячи высокихъ мыслей затѣснились въ

головѣ его, и сердце загорѣлось отъ полноты чувствъ...

Въ это самое время дся петербургская молодежь высшаго круга вертѣлась передъ огромными зеркалами, съ улыбкой самодовольствія и гордости собираясь на огромный балъ ** посланника. На столѣ Горина лежала пригласительная записка на этотъ балъ, о которомъ за три недѣли до того кричали во всѣхъ гостиныхъ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ выжидали всѣ графини и княгини, для котораго были загружены заказами магазины Ксавье и Сихлеръ; но онъ забылъ объ этомъ балѣ и объ этой пригласительной записочкѣ...

Если бы балъ посланника былъ годъ назадъ тому, вѣрно онъ сталъ бы разѣзжать по всѣмъ своимъ знакомымъ, для того, чтобы съ недоступнымъ тономъ аристократа проговорить каждому изъ нихъ: завтра балъ у ** посланника; тамъ будетъ весь дворъ; я сегодня получилъ приглашеніе.

Этотъ балъ заставилъ бы его, по крайней мѣрѣ, цѣлую недѣлю ходить по Невскому проспекту съ головою вздернутою вверхъ, съ

дерзкимъ и напыщеннымъ видомъ челоуѣка, который воображаетъ, что все встрѣчающееся ему, толпящееся передъ его глазами, все ниже его.

Кто, сколько-нибудь наблюдающій, не встрѣчалъ такія лица на Невскомъ проспектѣ въ морозные и солнечные дни отъ второго до четвертаго часа?

Невскій проспектъ — широкое поприще наблюденій, средоточіе петербургской жизни! Въ самомъ дѣлѣ, на пространствѣ отъ Аничкина моста до Адмиралтейства, вы познакомитесь со всѣмъ Петербургомъ — отъ лачужки бѣднаго, вросшей въ землю, до громаднхъ палатъ аристократа.

Горинъ очень измѣнился! Онъ не показывалъ никому своего пригласительнаго билета на балъ; онъ не ходилъ вздернувъ голову по Невскому проспекту; онъ не поѣхалъ на балъ, который горѣлъ, ослѣпляя глаза, и щедро раскидывалъ брилліанты лучей своихъ на гордыхъ и ледяныхъ петербургскихъ красавицъ.

Онъ почувствовалъ, что Зинаида открыла передъ нимъ новую жизнь, новый міръ духа и мысли, который видѣлся ему нѣкогда будто

сквозь сонъ. Образъ этой женщины, распротертой передъ алтаремъ Бога, дышащій молитвою, поразилъ его. Этотъ образъ началъ слѣдить его повсюду. Онъ углубился въ самого себя и разогналъ туманъ, застилавшій его зрѣніе. Съ тѣхъ поръ онъ яснѣе понялъ ничтожность общества, окружавшаго его, мелочную, недостойную челоуѣка суету своей прежней жизни, безуміе надеждъ своихъ, высокое назначеніе женщины и святость ея имени!..

Но еще черная сторона общества была закрыта передъ нимъ, онъ еще готовъ былъ довѣриться Свѣтлицкому и, порой, гримасу насмѣшки принять за улыбку радушія.

Дней черезъ десять послѣ великолѣпнаго бала посланника, вечеромъ, Горинъ сндѣлъ у И*. Полковника не было дома. Въ этотъ день собирались всѣ извѣстные петербургскіе игроки въ домъ *; къ тому же онъ и безъ того рѣдко бывалъ въ своемъ семействѣ.

На большомъ столѣ противъ дивана, въ полукруглой комнатѣ, стояла свѣча, закрытая съ одной стороны транспарантомъ... На диванѣ сидѣла больная Зинаида, возлѣ нея ста-

рушка ея мать. Зинаида казалась необыкновенно слабою; ея лицо было то поразительно блѣдно, то вспыхивало яркимъ и страннымъ румянцемъ.

— У меня есть до васъ просьба, Валеріанъ Петровичъ, — сказала Зинаида едва слышно, — если васъ только не обезпокоитъ она. Прочтите намъ что-нибудь: вы такъ хорошо читаете.

Старушка встала съ дивана и подошла къ Горину.

— Ради Бога, — шептала она ому, — выберите что-нибудь веселенькое, чтобы былъ *хорошій конецъ*... У нея здоровье такъ разстроено. Не надобно давать ей повода къ слезамъ. Она у меня такая чувствительная!

Онъ выбралъ что-то изъ огромнаго собранія имировизацій Скриба. Когда онъ кончилъ чтеніе, Зинаида казалась утомленною. Она поддерживала рукой голову, упавшую на грудь.

Старушка приложила свою ладонь къ головѣ дочери.

— У тебя что-то очень горячая голова. Не чувствуешь ли ты себя хуже? Не устала ли

ты?

— Ничего, мнѣ очень легко, матушка!
И она поцѣловала старушку.

— Ахъ, я забыла спросить васъ, — продолжала она, обращаясь къ Горину, — о балѣ ** посланника? Говорятъ, это лучшій изъ баловъ нынѣшней зимы?

— Право, я ничего не могу сказать вамъ. Я не былъ тамъ.

— Отчего же?..

Этотъ вопросъ потерялся. Отвѣта не было. Горинъ стоялъ задумчивый со шляпою въ рукѣ. Онъ раскланялся.

— Навѣщайте насъ почаще, Валеріанъ Петровичъ, — говорила мать Зинаиды, провожая его, — мы такъ рады васъ видѣть. Если вамъ нечего будетъ дѣлать, заѣзжайте въ четвергъ вечеромъ. Вы такъ добры. Будемте вмѣстѣ развлекать больную; она у меня очень грустигъ, бѣдная... Сегодня понедѣльникъ... вторникъ... среда... — и она считала по пальцамъ. — Ну да, въ четвергъ. Заѣзжайте пожалуйста на часокъ или на два. Мы долѣе не будемъ держать васъ...

Зинаида, опираясь на ручку дивана,

слѣдила за движеніями уходящаго... Дверь за-
творилась...

Она тяжело вздохнула...

Когда Горинъ воротился домой, не
раздѣваясь онъ упалъ въ кресла и неподвиж-
но просидѣлъ въ этихъ креслахъ.

Потомъ онъ машинально взялъ со стола
какую-то книгу, отвернулъ переплетъ, оста-
новился на заглавномъ листѣ и наконецъ да-
леко отбросилъ отъ себя книгу.

— Она страдаетъ, — думалъ онъ — и этотъ
человѣкъ виною ея страданій! Онъ сталъ
между ею и мною, между моимъ и ея
счастіемъ... Я долженъ на что-нибудь
рѣшиться; я избавлю ее отъ муки, или...

Мысль, которая недавно затаилась въ
немъ, сначала возставала передъ нимъ въ ту-
манѣ и отдаленіи; теперь она стала прибли-
жаться къ нему и принимать очерки безоб-
разные, явственные, осязательные.

Онъ содрогнулся.

Сонъ его въ эту ночь былъ тяжелъ и сму-
щенъ; онъ безпрестанно вздрагивалъ: ему
видѣлась кровь, у ногъ его лежалъ трупъ
человѣка...

J'irai, Seigneur, ou tu m'envoies....

Наступилъ вечеръ четверга. Семь часовъ прозвонило на стѣнныхъ часахъ въ комнатѣ Горина. Онъ вышелъ изъ своей квартиры и, завернувшись въ шубу, тихими шагами шелъ по Литейной. Отъ его квартиры до дома полковника было не болѣе четверти часа ходьбы...

Полозья саней скрипѣли по алмазному снѣгу. Морозъ былъ необыкновенно силенъ. Онъ прибавилъ шагу, скоро остановился у подъѣзда и дернулъ за ручку колокольчика.

Ключъ повернулся въ замкѣ, дверь отворилась, онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ.

— У насъ, сударь... — началъ старый слуга, снимая съ него шинель.

Онъ не успѣлъ кончить... Горинъ отворилъ и — окаменѣлый остался въ дверяхъ.

Зала была обита чернымъ сукномъ, посрединѣ возвышался катафалкъ, на катафалкѣ стоялъ небольшой гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, блестящими галунами, увѣшанный золочеными кистями и покры-

тый длиннымъ парчевымъ покровомъ, который спускался до пола. Облако ладона вилось надъ гробомъ; въ этомъ облакѣ тускло мерцали три огромныя свѣчи, и въ тишинѣ раздавался однозвучный, мѣрный голосъ читальщика.

Горинъ безотчетно подвинулся впередъ и съ выраженіемъ какого-то страннаго любопытства, безъ мысли и безъ участія, безъ желанія знать, кто лежитъ въ этомъ гробѣ, взошелъ на ступеньки катафалка.

Тутъ онъ почувствовалъ, что силы оставляютъ его. Онъ схватился одной рукой за край гроба. Онъ узналъ ее! Она нисколько не измѣнилась. Смерть не обезобразила ее, не коснулась до нея разрушеніемъ, а, казалось, только повѣяла на нее небеснымъ воздухомъ. Она заснула, утомленная земною тягостью, и на ея ангельскомъ лицѣ замерла улыбка — предчувствіе будущей жизни. Видно было, что она встрѣтила смерть радостно, какъ давножданную, милую гостью. За два дня до того онъ видѣлъ на лицѣ ея страдальческое выраженіе жизни, теперь на этомъ лицѣ было величественное, вѣчное спокойствіе —

вънецъ благодати Господней! Никогда смерть не являлась въ образъ болѣе привлекательно-мъ.

— *Она счастлива!* — произнесъ молодой человѣкъ невольно вполголоса. — О, она счастлива! — И слезы брызнули изъ глазъ его.

Онъ поцѣловалъ горячимъ поцѣлуемъ святой любви холодныя уста умершей.

Онъ первый разъ коснулся устъ ея!

Память возвратилась къ нему. Онъ сошелъ съ возвышенія, быстро отеръ слезы и остановился внизу у изголовья гроба.

Тогда ему представился этотъ безумный пиръ, на которомъ Свѣтлицкій объявилъ ему впервые о любви къ нему Зинаиды; онъ, казалось, видѣлъ передъ собою этого человѣка, коварно улыбающагося и говорящаго: "Она будетъ ваша!" Онъ вспомнилъ свои прежнія надежды, мечты — и холодный потъ выступилъ на его тѣлѣ.

Жизнь на минуту явилась передъ нимъ въ отвратительномъ видѣ; и онъ понялъ, что смерть можетъ быть высшею наградою, истиннымъ счастіемъ!

Это былъ великій урокъ, такъ нечаянно

почерпнутый изъ дѣйствительности, изъ общества, урокъ, глубоко нарѣзавшійся на сердцѣ юноши и имѣвшій вліяніе на всю остальную жизнь его.

Онъ впервые съ благоговѣніемъ палъ на колѣни передъ неисповѣдимою волею Бога!

Вдругъ, въ эту самую минуту раскаянія и благоговѣнія, онъ почувствовалъ чью-то руку на плечѣ своемъ и оборотился.

Передъ нимъ стоялъ полковникъ.

Кровь бросилась въ голову Горина.

— Я зналъ, что ты примешь къ сердцу мое несчастіе, — говорилъ полковникъ, — зналъ, что ты не забудешь обо мнѣ въ такія минуты. Она была несравненная женщина! Моя потеря невыразима! Я употребилъ все, чтобы съ приличною честью и даже съ нѣкоторымъ великолѣпіемъ похоронить ея тѣло. Я былъ обязанъ это сдѣлать.

Горинъ молчалъ.

Полковникъ отошелъ и сталъ по другую сторону гроба, противъ него.

Негодование задушило молодого человѣка, онъ готовъ былъ растоптать полковника подъ своими ногами; но когда первое

волненіе стихло въ немъ, онъ снова задумался.

Составить счастье женщины, продолжительное, ничѣмъ ненарушаемое счастье! Много ли найдется людей, которые въ состояніи этого выполнить? — спросилъ онъ самого себя...

Двери сосѣдней комнаты отворились.

Горинъ обернулся на скрипъ этихъ дверей.

Двѣ дѣвушки съ усиліемъ поддерживали старушку, которая едва передвигала ноги. Съдые волосы ея торчали въ беспорядкѣ изъ-подъ дымковаго чепца; ослабѣвшая голова скатилась къ груди.

Когда она увидѣла гробъ, послѣдній остатокъ силъ оставилъ ее. Она застонала страшнымъ, раздирающимъ голосомъ:

— Зинаида! Дочь моя! Дочь моя!

И рухнулась на полъ къ ступенькѣ каталки.

* * *

Черезъ день послѣ этого Свѣтлицкій, небрежно вертя въ рукахъ тросточку, говорилъ съ толстымъ княземъ П*, счастливымъ супругомъ очаровательной княгини Алины..

— Я сегодня былъ на похоронахъ у И-ой. Жаль, что она мало выѣзжала въ свѣтъ: это была премилая женщина! Знаете ли что, князь? Нашъ полковникъ, кажется, не въ большомъ горѣ, а есть другой человекъ, который за него въ совершенномъ отчаяніи. Право, жаль мнѣ бѣднаго Горина: осиротѣлъ онъ теперь!

И Свѣтлицкій засмѣялся.

— Да, да, осиротѣлъ.

Князь тоже засмѣялся. Въ его смѣхѣ была странная смѣсь аристократической важности съ мѣщанскимъ простодушіемъ.